

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

ПАВЕЛ ТОКАРЕНКО

МЕРТВАЯ ВОДА

...и две тысячи лет — война...

Павел Токаренко

Мертвая вода

«Снежный Ком»

2014

Токаренко П.

Мертвая вода / П. Токаренко — «Снежный Ком», 2014

2083 год. Войны и эпидемии изменили мир до неузнаваемости, но люди остались прежними. За власть и деньги идёт ожесточённая борьба. Комфорт избранных оплачен кровью и потом простых людей. У подножия сверкающих башен – хижины. Прекрасный новый мир прогнил изнутри и вот-вот обрушится. Офицер элитного подразделения, гроза инакомыслящих, идёт наперекор системе – и оказывается вне закона. Для бывших коллег – предатель, для революционеров – непонятный и опасный чужак. Новый остросоциальный фантастический роман от лауреата премии «Дебют-2014» Павла Токаренко.

© Токаренко П., 2014

© Снежный Ком, 2014

Павел Токаренко

Мертвая вода

Рига, ноябрь, 2083

Война дважды прошла через город. Опустели многолюдные улочки Старой Риги. Закопченные дымом пожаров черепичные крыши зияли провалами. Мертвые деревья в Верманском парке тянули к небу обожженные голые ветви. Замолчали фонтаны, остановились часы на колокольне чудом уцелевшего Домского собора. Аромат кофе и сдобных булочек сменился сладковатой вонью гниющих трупов, запахом гари, пороха и солдатских портянок. Легкие шаги влюбленных парочек остались в прошлом, смолк детский смех. Булыжные мостовые привыкли к лязгу гусениц, грохоту сапог и хриплому мату военных приказов. Рига отгородилась линиями окопов, минными полями и дотами. Город нахмурился, сосредоточился, но не сдался. На набережной немymi памятниками прошедшим сражениям застыли остовы танков и самоходных орудий. Ржавые и покореженные, они смотрели на левый берег реки, где когда-то жили люди. От мостов, помнящих многочасовые автомобильные пробки, давно остались лишь торчащие из воды быки, а заречные районы превратились в поле боя. Два мира, две цивилизации сошлись в смертельной схватке.

Под полукруглые своды вокзала, погромыхая на стыках, медленно втянулся бронепоезд: огромный, угловатый, с торчащими во все стороны зенитными пулеметами. Коротко свистнул локомотив, лязгнули буфера. Вагоны замерли; скрипнув несмазанными петлями, открылись тяжелые двери. На перрон под ругань ефрейторов посыпались солдаты.

Кирилл занял свое место в строю. Он не удивился, не увидев над головой неба. Чтобы защитить ключевые объекты от ракетных обстрелов, их упрятали под землю. Над крышей вагона нависали бетонные тубинги.

Шеренги подровнялись, замерли; командиры приказали включить личные тактические компьютеры.

– Солдаты! Я генерал-полковник Берзиньш, командир Рижского оборонительного рубежа. Я приветствую вас в Риге! – заскрипел на общем канале твердый командирский голос.

Генерал говорил сухо и жестко, чуть растягивая гласные. В многонациональной Федерации официальным языком считался английский. Но в армии большинство офицеров и унтеров были из немцев. И генерал, латыш по национальности, обращался к солдатам по-немецки:

– Нам с вами выпала великая честь – защищать землю наших отцов. Я надеюсь найти в вас достойных товарищей по оружию. Здесь трудно, опасно, но почетно служить. Враг жесток и коварен! Но пока мы выполняем свой долг, наши семьи будут в безопасности. Камрады! Добросовестно выполняйте приказы ваших командиров, служите достойно, и наградами вас не обойдут. Ну а с дезертирами разговор короткий. За подобный проступок наказание – смерть...

Генерал говорил коротко, по делу, и, как положено в таких случаях, в его речи был и короткий кнут, и сладкий пряник.

– Желаю вам удачной службы! – закончил генерал.

Зазвучал гимн, стоящие на платформе вытянулись по стойке «смирно». Музыка стихла. В наушнике прошелестел механический голос:

– Унтер-офицер Кирилл фон Медем, следуйте к выходу номер семь. Ваше место назначения – штаб командующего.

Кирилл завертел головой, искал выход. Чтобы избежать давки, приказ двигаться приходил не всем сразу. Часть солдат перетапывалась у вагонов, другие уже спешили к выходам. Ефрейторы в белых касках направляли заблудившихся. Увидев ворота с нарисованной цифрой «семь», Кирилл направился туда.

У выхода на огромную подземную автостоянку было пусто. Рядом, толкаясь и матерясь, грузились в бронированные автобусы солдаты. А у седьмого выхода стоял только маленький командирский ховер. Опираясь на крыло, курил какой-то лейтенант. Кирилл оглянулся, ища взглядом свой транспорт.

Лейтенант раздавил каблуком окурок и подошел к Кириллу:

– Ты фон Медем?

– Так точно, господин лейтенант!

Кирилл протянул идентификационную карту. Офицер провел картой по считывателю, сверил лицо с фотографией.

– Давай в машину. – Лейтенант сел в ховер.

Загудели двигатели. Ховер приподнялся над бетоном, разгоняя пыль. Кирилл бросил вещмешок на заднее сиденье и сел рядом с офицером.

По пандусу выехали на поверхность. Лейтенант молчал и сосредоточенно вел ховер. За окном мелькали дома. Кирилл не узнавал Ригу, где еще ребенком бывал с отцом. Тогда город выглядел иначе. После первого наступления войска Федерации отбросили Халифат почти до самой границы Германии, и Рига ударными темпами восстанавливалась. После второго наступления все усилия пошли прахом. Город щерил обломанные зубы разбомбленных домов, пилился неживыми провалами выбитых окон.

Ховер полетел вдоль набережной. Справа промелькнула круглая башня старинного замка, на удивление, почти нетронутая.

– Ты не родственник первому командиру балтийцев? – нарушил тишину водитель.

– Сын, господин лейтенант.

Офицер кивнул, но ничего не сказал.

* * *

Река разделяет город на две части. Историческая Старая Рига находится на правом берегу. Напротив, отделенный от левого берега узкой протокой, вытянулся остров Кипсала. До войны правый берег с островом соединял вантовый мост, построенный в конце двадцатого века. От него осталась лишь обмотанная ржавыми тросами бетонная стела посреди реки.

Когда фронт остановился, новая граница пролегла по реке. Остров превратился в центр оборонительного участка. Рубеж патрулировался автоматическими боевыми машинами и дистанционно управляемыми комплексами огневой поддержки. То, что оставалось после тяжелой техники, подчищали панцергренадеры и пехота.

* * *

Ховер полетел над водой к видневшемуся вдали острову. По реке уже шло «сало», островки льда в темной воде. Грязный буксир волок вереницу понтонов – убрали мост.

Въехав на остров, офицер остановил ховер.

– Господин генерал приказал тебя сюда привезти.

Накрапывал дождь, но офицер не обращал на это внимания. Кириллу ничего не оставалось, как идти за ним.

У полуразрушенного бетонного здания стоял раненый солдат из бронзы, опирающийся на флагшток. В сером небе реяло красное полотнище с черным восьмиконечным крестом в белом круге. Ветер стих, и флаг объединенной Европы, влажно хлопнув, обвис. Луч солнца скользнул по начищенным до блеска буквам на гранитном постаменте: «Здесь героическая Балтийская бригада под командованием оберст-лейтенанта фон Медема остановила покушав-

шихся на христианский мир исламских фанатиков. Вечная слава защитившим наши народы от порабощения! Вечная память павшим за правое дело! Ваш подвиг не забыт, ваше дело живет!»

– Сильно, – сказал Кирилл. – Определенно сильно.

– Твоего отца помнят, – кивнул лейтенант. – Ладно, пошли.

Он повел Кирилла к руинам. Дом печати, так называется это здание, вспомнил Кирилл. Когда-то оно было намного выше, но сейчас от него остались лишь несколько этажей. На каждом шагу попадались бетонные кубы с надписью «Укрытие».

– Господин лейтенант, зачем это?

– У нас тут постреливают. Услышишь сирену, сразу прячься. Понял?

– Понял... А кто стреляет? Откуда? Почему их не подавят?

– «Бородатые» из Пардаугавы стреляют. А подавить давилка не выросла. – Офицер плюнул под ноги. – Это кочующие минометы и ракетные комплексы. Старый грузовик, старый миномет или пара направляющих для эрэсов в кузове и два-три шахида. Выхали, стрельнули, убрались. Накроют – не беда, они свой истишхад получают. А завтра следующий приедет, у них демографического кризиса нет, чтоб их вдоль и поперек!

Лейтенант показал на торчащий из земли бункер с воротами.

– Пришли, нам туда...

Под землей располагался полноценный подземный город: казармы, капониры, склады, улицы и проспекты. Это был настоящий лабиринт. Если бы не провожатый, Кирилл бы точно заблудился.

У входа в штаб у него проверили документы и пропустили к генералу. Кирилл одернул мундир, глянул в зеркало. Идеальный солдат, краса и гордость Федерации: грудь колесом, карие глаза под залихватски сдвинутым черным беретом смотрят лихо и придурковато. Вошел, щелкнул каблуками, распрямил ладонь у виска.

– Господин генерал, унтер-офицер...

Берзиньш жестом остановил Кирилла. Серые глаза генерала, вначале ледяные, потеплели.

– Ну, здравствуй, Кирилл. Ты настоящий мужчина, а я тебя малышом помню. Твой отец был моим командиром.

– Да, господин генерал, он рассказывал, – кивнул Кирилл.

– Давай без чинов, парень. – Генерал сел и потер седой висок. – Времени на трескотню нет, война идет. Объясни, что там у тебя за история приключилась? Особист, как получил личные дела пополнения, тут же забегал: приехал, мол, революционер-агитатор. Хорошо – увидел знакомую фамилию и пришел ко мне. Я навел справки по своим каналам, но ничего не понял. Может, объяснишь мне, как ты стал врагом государства, за которое воевал твой отец? За которое ты сам воевал, черт тебя дерит?

– Это длинная история, – уклончиво ответил Кирилл.

– А ты сократи, но так, чтоб я понял!

Кирилл рассказал. Правды в его истории было чуть больше половины, но генералу незачем было знать все. Труднее всего оказалось скорбно склонить голову, рассказывая о гибели своих бывших коллег... и не запнуться, говоря об эсэсовцах «наши».

– Значит, подставил камрадов... – покачал головой Берзиньш. – А где сейчас эта девка?

– Она мертва.

– Я надеюсь, ты не собираешься покончить с собой из-за этого? – Генерал пристально посмотрел Кириллу в глаза.

– Я хочу только одного – исполнить свой долг! – отчеканил Кирилл.

Слово «долг» Кирилл понимал по-своему. Настолько по-своему, что, узнай об этом генерал, – и Кириллу несдобровать.

– Исполнить свой долг... – эхом отозвался Берзиньш. – Обер-лейтенант Вернер написал, как ты отличился в учебке. И что ты сам попросился сюда. Почему?

– Мое место здесь!

– От фон Медема я другого ответа не ожидал. – Генерал прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

Вместо окна в кабинете висел огромный, во всю стену, плакат. Черепичные крыши и шпили Старой Риги, освещенные солнцем, вантовый мост. Довоенная Рига была прекрасна.

– Если бы не отметка о неблагонадежности, я бы уже сейчас сделал тебя фенрихом. Мне не хватает людей, чертовски не хватает и именно сейчас, когда... – Генерал осекся.

– Я знаю о готовящемся наступлении, – сказал Кирилл. – Я догадался.

– Догадался он... – проворчал генерал. – А не болтать об этом догадался? Ладно... Вот что, Кирилл. Пока я тебя фенрихом сделать не могу. Но в пехоте тебе делать нечего. В твоём личном деле написано, что ты учился на панцергренадера. Нам нужны панцергренадеры, а мне нужны толковые люди. На курсы переподготовки поедешь, а там посмотрим...

Взгляд генерала стал стеклянным – он работал с имплантом.

– Если сумеешь отличиться в наступлении, погоны фенриха твои. Служи честно, сынок. Через пару-тройку лет станешь офицером. Добро пожаловать в Балтийскую бригаду, фон Медем!

– Благодарю, – коротко кивнул Кирилл и вытянулся. – Разрешите идти?

– Иди. Мой адъютант отвезет тебя на учебную базу, – кивнул генерал и добавил: – И не вздумай умирать! Запрещаю!

– Так точно! – Кирилл щелкнул каблуками.

Фенрих... Кирилл усмехнулся. Фенрих – это серьезно. В армии Федерации все офицеры были из рядовых, никто этой ступеньки не миновал. Солдат мог дослужиться до унтер-офицера, а дальше перед ним открывались две дороги. Одни становились обер-унтер-офицерами и продолжали службу в младшем командном составе. Но был и другой путь. Вчерашний унтер надевал погоны фенриха, кандидата в офицеры. Через несколько лет службы, параллельно с учебкой, кандидат мог стать лейтенантом. А мог и не стать – экзамен выдерживали не все. Офицеры знали все солдатские штучки, авторитет их был очень высок. Кириллу вдруг захотелось отбросить революционные планы и пойти по стопам отца. Но он опомнился: стать офицером, чтобы служить кому? Церберу? Кирилл вспомнил плакат. Интересно, что сказал бы генерал, узнав, что его любимая Рига стала фронтовым городом из-за Цербера?

Технополис Штильбург, май, 2082

В этот раз она выбрала тропический остров. Мерно накатывались на золотой песчаный пляж волны, шумели на ветру пальмы. Стены с динамическим покрытием и квазиголографическая установка с климатическим имитатором создавали картину гораздо лучше, чем реальность. Девушка раскачивалась в плетеном кресле с книгой в руках, понятия не имея, что за ней наблюдают.

Встроенные в стены, потолок, зеркало, дверные ручки мини-камеры снимали человека с различных ракурсов. Датчики отслеживали перемещения, сканировали поверхность тела, отслеживая мимику, температуру, пульс. Искусственный интеллект «умного дома» изучал привычки и потребности хозяина, старался предвосхитить желания.

Стоило девушке выйти в коридор, как дом включил музыку. Кирилл знал эту группу, только название позабыл, не то «Королевы», не то «Жуки», какая-то классика столетней давности.

На основе полученной с датчиков информации Цербер создавал трехмерную проекцию с эффектом присутствия. Лежа на кушетке в своем кабинете, находящийся в виртуальной реальности Кирилл видел все так, словно находился на расстоянии вытянутой руки.

Девушка прошла в спальню, распустила стянутые резинкой волосы и легла на кровать. Кирилл наизусть выучил распорядок дня объекта и знал, что сейчас она уйдет в виртуал. Так и случилось: девушка надела на голову обруч интерфейса и закрыла глаза. Он отдал Церберу распоряжение отслеживать каждый ее шаг в виртуале. Переключиться на другой объект Кирилл не успел: в воздухе перед ним запрыгал мигающий трехмерный конверт. Мысленным усилием Кирилл нажал на него. Конверт развернулся, открыв письмо. Кирилла вызывали на совещание. «Чертов Бисмарк, – подумал он. – Век хай-тека, а он по-прежнему устраивает эти дурацкие совещания вместо вирт-конференций. Ретроград!» Но недовольство недовольством, а игнорировать вызов начальника отдела не следовало.

Кирилл свернул соединение с Цербером. Левая голова трехголового пса подмигнула на прощание, спальня медленно растаяла, сменившись серым фоном виртуального рабочего пространства. Кирилл снял с головы обруч интерфейса и несколько раз моргнул, давая глазам привыкнуть. Виртуальная реальность сменилась привычной обстановкой личного кабинета. В воздухе развернулись трехмерные иконки «дополненной реальности». Подсоединенный к глазным нервам имплант транслировал изображение прямо в мозг.

Выходя из лифта, Кирилл столкнулся с Ройтманом.

– Привет, немец! – в свойственной ему шутовской манере чуть поклонился Ройтман, перемежая немецкую речь словечками на идиш. – Ну шо, таки на когда намечен пог'гом?

– Аарон, добрый день, – вежливо ответил Кирилл.

Краем глаза он заметил идущего по коридору начальника. Ройтман замолчал, увидев, как лицо Кирилла вдруг приняло деловое выражение. Отто Грубер, которого подчиненные за глаза называли Бисмарком, поприветствовал их коротким кивком. Задрав острый нос, он проследовал в зал для совещаний.

– А вышагивает-то, ну чисто гусак! – прошептал Ройтман и толкнул Кирилла в бок локтем.

Кирилл поспешил за начальником.

– Пойдем, иначе опоздаем. Если мы последними придем, вставит нам Бисмарк пистон.

– А, можно не спешить, – махнул пухлой ручкой Ройтман. – Все равно Жиль окажется последним.

Так оно и вышло: Кирилл уже сидел на своем месте справа от начальника, когда в зал на инвалидном кресле вкатился Жиль. Он помахал Кириллу здоровой рукой и въехал на свободное место. Дверь зала закрылась.

Перед начальником лежала картонная папка.

– Все здесь, мы можем начинать, – громко сказал Грубер, открывая папку.

Кирилл обвел взглядом соседей. Обычная планерка, ничего особенного, понял он, можно расслабиться. Внешне это никак не отразилось. Лицо осталось напряженно-внимательным.

После короткого приветственного слова Грубер начал опрос сотрудников. Один за другим подчиненные поднимались и докладывали. Кирилл ушел в себя и не слушал, о чем идет речь.

Над головой начальника висел герб Санитарной Службы, щит и змея, обвивающая факел. Вокруг герба, по кругу, было на пяти языках написано: Санитарная Служба. Ниже герба надпись на немецком готическим шрифтом сообщала: «Технополис Штильбург, Санитарная Служба». Под надписью висел портрет в траурной рамке. Кирилл задумчиво смотрел, как по лицу основателя Санитарной Службы, Бертрана Конти, ползет муха.

Услышав свою фамилию, он наострил уши. Грубер разносил Ройтмана.

– Ройтман, берите пример с фон Медема! У него есть чему поучиться! – Грубер сверлил Ройтмана яростным взглядом. – У него все в полном порядке. А у вас? Это уже четвертое проникновение за одну неделю! Совсем обнаглели нелегалы!

– Мы работаем над этим, – пробормотал красный как рак Ройтман.

Он в отделе наружного наблюдения отвечал за нелегалов. На нижние уровни, где почти не было датчиков, власть Цербера не распространялась. Нелегалы чувствовали себя там как дома. В последние годы их стало больше, участились набеги на склады и магазины. Последний случай, возмутивший всю хай-тек общественность полиса, поражал своей наглостью. Они пробрались прямо в Центральный парк и учинили форменный погром. Убили несколько лебедей, потоптали клумбы в ботаническом саду. Сопротивления никто не оказал. Привыкшие к порядку и спокойствию хай-теки разбежались, испуганные ордой грязных, оборванных дикарей. Незваных гостей сразу же засекали датчики, в парк помчались поднятые по тревоге команды «физиков» Санитарной Службы. Завидев приближающиеся хожеры, нелегалы скрылись под землей. Проход запечатали, заверив общественность, что это больше не повторится. Блогосфера загудела, бездействием властей возмущался весь полис. Грубера вызвали наверх, хорошенько отчитали... и вот теперь он унитаэным ершиком чистил Ройтману мозги.

Под городом десять подземных уровней, сотни километров туннелей. Без точных сведений в таком лабиринте никого не поймать. Предоставить такие сведения – работа наружки.

Но Ройтман отпирался, ссылаясь на «физиков», которые отказывались ловить нелегалов. Грубера было не пронять:

– Почему нет результата? Почему вы не используете спецсредства? Почему не задействовали роботов? У вас же есть «крысы», «пауки» и что там еще – «змеи»? У вас есть Цербер, наконец! Я уверен, что нелегалам кто-то помогает. Проверьте всех гастарбайтеров, проверьте еще раз списки возможных нелегалов, выявите связи – друзей, знакомых, родственников. Проконсультируйтесь с фон Медемом, он специалист в этих вопросах.

Ройтман попытался вытянуться. Кирилл не сдержал улыбки.

– Будет исполнено!

На подбородке у Ройтмана белела капелька майонеза, отвороты мундира в крошках. С выпяченным пухлым животом и запрокинутой головой он был похож на хомяка. Карикатура, а не офицер. Грубера передернуло, он махнул рукой и приказал Ройтману сесть.

Ройтман плюхнулся на стул, платком промокнул вспотевший лоб. Грубер что-то черкнул в блокноте, поднял взгляд на подчиненных.

– Фон Медем!

Кирилл вскочил и щелкнул каблуками.

– Так точно!

– Как продвигается дело этого... Клуба Прикладной Истории? – Грубер заглянул в папку.

Молодой парень по фамилии Радомский, недавно пришедший в отдел, усмехнулся. Мысли о том, что Грубер перебарщивает с допотопными методами, посещали не только Кирилла. В конце двадцать первого века возиться с бумажками?

Грубер услышал смешок, поднял голову и спросил:

– Криминаль-ассистент Радомский, поделитесь с нами вашей радостью.

Радомский вскочил, вытянулся в струнку, поедая начальника глазами.

– Ну же, мы ждем, – поторопил Грубер.

– Господин криминаль-комиссар, я и в мыслях не имел смеяться над вами, – нашелся Радомский. – Мне показалось это название смешным. История – наука о прошлом, она не может быть прикладной. В конце концов это не физика...

– Замечено верно. Но к делу это не относится. Радомский, у меня для вас совет: относитесь к объектам разработки без лишних эмоций. Наша задача, наша миссия – обеспечивать порядок и охранять покой добропорядочных граждан. То, как объекты называют себя, свои объединения, клубы или банды, не имеет значения для работы. Запомните это на будущее, если хотите когда-нибудь стать профессионалом.

– Так точно! – Радомский выпучил глаза.

Кирилл вопросительно посмотрел на начальника, тот кивнул, и Кирилл заговорил, как обычно, четко и по делу:

– За тринадцать дней плотного контроля серьезных нарушений не выявлено. Зафиксировано несколько нарушений параграфа 14, подпараграфы 7, 9 и 3. Поскольку данные нарушения были совершены в приватной обстановке, на закрытых заседаниях, дать делу ход считаю невозможным.

– Какие у вас рекомендации? – прищурился Грубер.

Параграф 14 Кодекса Общественного Порядка – это всего лишь нелояльность в той или иной форме. Будь она выражена в общественном месте, где системы наблюдения могли это зафиксировать, делу можно было бы дать ход. Даже в таком случае виновные, скорее всего, отделались бы штрафом. Но все произошло внутри жилища, на частной территории, что сводило ценность улик к нулю. Считалось, и не без основания, что системы защиты «умных домов» вскрыть невозможно. То, что Цербер умел находить недоступные хакерам-людям дырки, было одним из самых охраняемых секретов СС. Ходившие по винету слухи оставались слухами. Законы о вторжении в частную жизнь, пусть и формальные, никто не отменял. Хайтек общественность, объединенная социальными сетями, вполне могла подать на СС в суд – и выиграть.

– Если бы не некоторые обстоятельства этого дела, я рекомендовал бы закрыть его как ложный сигнал, – сказал Кирилл, глядя Груберу в глаза. – Я готов представить до конца дня развернутый доклад.

Грубер кивнул и жестом разрешил Кириллу сесть.

Кирилл сел и перестал слушать. У него задергалась левая рука. Чтобы скрыть спазмы, он прижал ее к столу ладонью. В последнее время рука стала дергаться чаще. Удерживать маску холодного профессионализма становилось все труднее.

К концу заседания Кирилл привел мысли в порядок. Порог кабинета начальника он переступил, точно зная, что говорить.

У широкого панорамного окна стоял столик и два кресла. Грубер достал из бара бутылку с тонизирующим напитком, стаканы. Жестом пригласил Кирилла сесть в кресло. Наедине с ним начальник вел себя проще, без лишнего пафоса: сел напротив, налил тоника. Кирилл стал рассказывать:

– Это обычная интеллигентская тусовка, знакомая публика. Они играют в нон-конформизм, воображают себя оппозицией. Пока им хватает ума не выносить это за порог, можно ограничиться рутинными проверками. Пусть Цербер за ними приглядывает, а раз в месяц краткую выжимку дает. Но...

Кирилл отхлебнул, глядя на начальника. Ему пришла в голову мысль, что Грубер-то стареет, вон как сверкают залысины. Грубер терпеливо ждал, наклонив маленькую, похожую на птичью, голову. Кирилл продолжил:

– Отто, вы помните, чем едва в прошлый раз не закончилось. Мы должны плотное наблюдение продолжать. Цербер не может ошибаться.

Грубер поднялся, прошелся по кабинету. Остановился у окна, сцепив руки за спиной. Кирилл вскочил, чтобы не сидеть, когда начальник стоит.

– Меня вызывали в Совет Директоров. Нами недовольны. Нами очень недовольны!

Грубер хрустнул костяшками пальцев. Его лицо, и без того худое, еще больше заострилось.

– В такой обстановке мы не можем позволить себе пренебрегать рекомендациями Цербера. Нам не простят еще одного провала. Покатятся головы. У вас есть версии касательно этого клуба?

Кирилл пожал плечами – он слишком мелкая сошка, его сверху не видно. Грубер – тот может пострадать.

– Если предположить, что они не те, за кого себя выдают, то это может быть кто угодно. Даже тайные мусульмане. Или анархисты, антифашисты, шпионы. Может быть, спящая ячейка...

– Шпионы? – Грубер изогнул тонкую бровь. – Чьи?

– Халифата, – ответил Кирилл. – Или китайцев... Но это несущественно. Мы все равно узнаем, даже если они зеленые человечки, которые людьми прикидываются. У меня есть идея.

– Ах вот как... Излагайте.

– Мы должны проверить тщательно связи основных фигурантов...

– Кирилл, это первое, что вы должны были сделать! Я вам удивляюсь, – перебил Кирилла Грубер.

– Я поступил в полном соответствии с протоколом. Я проверил все контакты в социальных сетях. Там все чисто. Я подозреваю, что они могут сознательно избегать социальных сетей. Поэтому я выделил троих самых подозрительных фигурантов.

Кирилл вывел на стену три фотографии.

– Фигурант номер один, Стивен Кларк, профессор истории в университете, шестьдесят два года. Проживает в городке ученых. Надо проверить его окружение, особенно студентов. Студенческая среда – это питательный раствор для разного рода диссидентов...

– Спасибо, что просвещаете меня...

Кирилл замолчал, подождал и продолжил:

– Фигурант номер два. Хелен Шнитке, двадцать шесть лет, проживает в Немецком Квартале, – Кирилл указал на фотографию девушки.

– Немка?

– Отец немец, мать еврейка. Она работает начальником смены на гидропонной ферме в Западном форштадте, сутки через двое. Увлекается чтением книг, отдавая предпочтение истории и философии. Занимается боевыми искусствами и пулевой стрельбой.

– Разносторонне развитая девушка. Неудивительно, что на работу у нее времени не остается. – Грубер откинулся в кресле. Глянул на Кирилла из-за сложенных домиком ладоней. – Почему вы ее заподозрили?

– Чувствую. Есть странности... – замылся Кирилл.

Он не мог толком сформулировать свою мысль. Ему почему-то казалось, что Хелен терпеть не может технологии и хай-теков. У нее был только детский имплант, самая простая модель. От отца она унаследовала достаточно денег, чтобы позволить себе самое лучшее. Богатая и умная – могла бы сделать карьеру, вместо того чтобы работать в форштадте с туземцами.

– Так. И третий? – спросил Грубер.

– Это самый странный фигурант. Феликс Матецкий, двадцать семь лет, техник четвертого класса. Он имеет постоянный вид на жительство в полисе, проживает в Русском Квартале...

Феликс Матецкий родился в пригороде Метрополиса. Работал в полисе электриком-гастарбайтером. Потом где-то раздобыл денег, купил базовый имплант. Именно это и привлекло внимание Кирилла. В таком возрасте невероятно трудно научиться пользоваться современным имплантом. Феликс смог, выучился на техника и обзавелся еще двумя профильными имплантами. И все это затем, чтобы устроиться простым слесарем на магистральный трубопровод в Восточной Сибири.

– Интересно... – протянул Грубер. – Выводы?

– Я думаю, что он не тот, за кого себя выдает. Он же техник, зачем ему идти слесарем работать? Нормальные люди так не делают! Если Матецкий в чем-то замешан, то он на трубопроводе и не появлялся, должность – это прикрытие. Они просто запись подделали, чтобы его в Штильбург пустили.

– Ты понимаешь, что говоришь? – тихо спросил Грубер, от волнения перейдя на ты, чего обычно себе не позволял. – Ты представляешь себе масштаб организации, способной взломать наши базы данных?

– Я считаю, что мы не можем отбрасывать этот вариант. Я собираюсь еще раз проверить все их связи. Если они в чем-то замешаны, ниточка обязательно найдется, – твердо ответил Кирилл.

– Хорошо. Кирилл, я даю вам еще две недели, – кивнул Грубер. – Размотайте этот клубок. И еще: помогите Ройтману. Он без посторонней помощи даже шнурки не в состоянии завязать. Нам срочно нужен результат, показать начальству, что мы не бездельничаем.

– Так точно! – Кирилл встал. – Разрешите идти?

Если Цербер присвоил этому делу красную метку – знак повышенной опасности, значит, Кирилл просто обязан докопаться до сути. За две недели слежки он не обнаружил ничего выходящего за рамки кухонной интеллигентской бравады. Совсем как в прошлый раз.

Скромный инженер, обслуживавший вентиляционные установки полиса, казался воплощением добропорядочности. А оказался террористом-одиночкой. Такие для властей опаснее всего: непредсказуемы, ни с какими радикальными группировками не связаны. Пойди поймай его, особенно до, а не после теракта.

Инженер жил по старинке, не доверяя «умным домам». Для всепроникающего ока Цербера его квартира оставалась темным пятном. Законом такое не запрещалось и подозрений не вызвало. На людях инженер вел себя образцово: ни с кем не ссорился, старательно работал. Жил замкнуто, но это не преступление. Случайные интрижки с молодыми парнями тоже на проступок не тянули. Для конца двадцать первого века поведение «социально одобряемое». Но, несмотря на внешнюю благонадежность, Цербер его заподозрил. Сумел как-то вычислить опасного типа. Грубер, который был тогда инспектором в наружке, поручил дело новичку – Кириллу. Как подозревал Кирилл, для того, чтобы в случае неудачи свалить все на него.

Он месяц следовал за подозреваемым как тень, но ничего не обнаружил. Грубер приказал закрыть дело, но Кирилл, пребывая под впечатлением от возможностей Цербера, настоял на дополнительной проверке. Они дождались, пока объект уйдет на работу, и проникли в квартиру, нарушив сразу несколько параграфов Кодекса. Оказалось, что инженер собрал из подручных материалов управляемый реактивный снаряд, примитивный, но мощный. Эксперты потом сказали, что кустарная поделка с легкостью могла проложить себе путь через стекло и бетон туда, где собирались властители Штильбурга. Совет Директоров консорциума «Аркадия» всегда заседал во внутренних помещениях, но разве это препятствие для настоящего хай-тека?

Обнаружив на балконе ракету, оперативники осторожно сдвинули укрывавший ее брезент. Подвели к балкону беспилотник с камерами и покинули квартиру, чтобы их не обвинили в нарушении протокола. Доложили по команде. Управление отреагировало молниеносно. Примчалась команда «физиков», они взломали дверь. Эксперт удостоверился, что ракета настоящая, и за инженером послали группу захвата. Увидев «физиков», инженер выбросился в окно. До земли было сорок два этажа, и допрашивать оказалось некого. Но обнаруженные в квартире схемы и расчеты раскрыли детали преступного замысла; все, кроме мотива. Грубер взлетел в кресло начальника отдела, а Кирилл из стажеров стал свободным оперативником.

Прошло семь лет, и вот перед ними новое дело с красной меткой.

Отпустив Кирилла, Грубер снова подошел к окну. Отдел наружного наблюдения располагался на сто пятом этаже Башни.

Внизу расстилался парк, с высоты кажущийся игрушечным, ненастоящим. Как бутылочные осколки в траве, блестели на солнце пруды. В центре парка, у овального пруда, где жили черные лебеди, стоял камень. На камне, золотыми буквами по мрамору, имена отцов-основателей Штильбурга, и в первых строчках – Готлиб Теодор фон Медем, отец Кирилла.

* * *

Из шестнадцати крупных технополисов Федерации Штильбург по праву считался самым красивым. Построенный внутри глубокого гранитного карьера, он представлял собой вытянутый овал длиной восемь километров. Нулевой уровень, который не знакомый с архитектурой полиса человек мог принять за дно карьера, был крышей для многоуровневого подземного комплекса. Там разбили сады и парки, на стенах карьера, что спускались концентрическими ступенями, построили дома.

Лучшие зодчие Европы вложили в строительство Штильбурга душу. Стекло, сталь и бетон, все стили, от готики до арабских и китайских мотивов. У каждого дома, каждой высотки был свой, неповторимый облик. Между домами парки, висячие сады, водопады, ажурные невесомые мостики, беседки, круглые фонари на литых столбах, по ночам заливающие желтым светом выложенные плиткой аллеи.

И в центре всего – Башня, здание, где размещались административные и служебные учреждения полиса. Строгая и прямая, она возносилась почти на километр. На нее опирался купол, созданный из высокотехнологичных полимеров с изменяемым коэффициентом преломления. Он надежно защищал двести тысяч обитателей полиса от изменений погоды. В полисе всегда было лето.

* * *

Грубер не уставал восхищаться красотой Штильбурга. Он любил полис и хай-теков, которых считал лучшими людьми на планете. Охрана порядка и спокойствия обитателей Штильбурга стала делом всей его жизни.

В Кирилле Грубер видел родственную душу. Иногда он ловил себя на том, что восхищается Кириллом. И даже завидует: тот был хорош собой, настоящая гроза женских сердец. Рост выше среднего, правильные черты лица, темные волосы всегда аккуратно подстрижены, взгляд твердый и уверенный. Образцовый немец из хорошей семьи, умный, привычный к порядку.

Кирилл зашел к себе, но подключиться к винету не успел. Ройтман мячиком вкатился к Кириллу в кабинет. Двери в отделе, по традиции, не закрывали.

– Кир, спасай! – Ройтман, вытирая пот, плюхнулся в кресло. – Мне надо срочно что-то придумать, чтобы Бисмарк отстал!

– Что конкретно? – спросил Кирилл, сдерживая раздражение. «Киром» его никто, кроме близких друзей, не называл.

– Ты же слышал... Надо наловить нелегалов. А как это сделать, если «крысы» и «пауки» под землей не работают. Встроенный мозг – чистый халоймес, нелегалы уже восемь «крыс» разбили. А Бисмарк говорит – не колышет, ищи, как хочешь, хоть лезь туда сам! А мне нельзя, у меня сердце больное. Я боюсь, Кир! – засуетился Ройтман, заламывая руки с толстыми, как сардельки, пальцами.

– Ладно, ладно, – поморщился Кирилл. – Слушай...

План у Кирилла был, он любил сложные задачки. Решение лежало на поверхности: посылать «крыс» парами. Одну впереди, вторую за ней, чтобы первая передавала второй информацию с датчиков. Если запрограммировать вторую «крысу» на немедленное возвращение в случае потери сигнала от первой, она сможет уцелеть. А чтобы не гонять роботов по необъятному подземелью, надо у складов с продовольствием и прочих мест, куда повадились лазить нелегалы, разлить смесь мазута или масла с каким-нибудь слаборадиоактивным изотопом. Нелегал вляпается и, пока не сменит одежду, будет «фонить». На первую «крысу» поставить детектор радиации, чтобы по следам пришла куда надо.

– Ты гений, Кир! Я с тобой еще такую карьеру сделаю, ого-го! – В порыве чувств Ройтман кинулся Кириллу на шею.

Кирилл отстранился.

– Стой, погоди... – вдруг наморщил лоб Ройтман. – А где я достану этот... раствор? И как на «крысу» детектор поставить?

– Голову включи, – сказал чей-то голос.

Кирилл увидел в коридоре Жилья. Ройтман повернул голову и прошипел:

– Тебя, обрубок, не спрашивали.

Жиль с окаменевшим лицом поехал дальше.

– Он прав. – Кирилл потянулся за интерфейсом, показывая, что разговор окончен.

– Помоги мне, Кир! Ты должен мне помочь, ты же слышал, что Бисмарк приказал!

Кирилл разозлился:

– Аарон, знаешь что, а не пошел бы ты? И вообще, покинь мой кабинет!

Ройтман заканючил:

– Кир, ну Кир! Помоги, а?

– Ладно, черт с тобой, – не выдержал Кирилл. – Иди в техотдел. Техники тебе все подберут...

Ройтман колом выкатился из кабинета. Кирилл откинулся на кушетку, активировал соединение с Цербером и вернулся к работе.

Следующие двенадцать часов Кирилл безвылазно сидел в виртуале: наблюдал за объектами и параллельно, открыв дополнительный интерфейс, перелопачивал собранную Цербером информацию. Связей оказалось неожиданно много. Кирилл увлеченно работал, не чувствуя ни голода, ни жажды. Из сети его вытащил Грубер. Начальник зашел в кабинет и принудительно отключил интерфейс.

– Фон Медем, отправляйтесь-ка спать, вам нужен отдых, – твердо сказал Грубер, глядя в красные от недосыпа глаза Кирилла.

Кирилл встал, шатаясь, добрал до бара, нацедил в стаканчик ледяной воды. Большими глотками выпил, бросил стаканчик в урну, но промахнулся.

– Отто, послушайте, я, кажется, близок к разгадке...

– Кирилл, вы близки к обмороку от переутомления, – сухо заметил Грубер, поднимая стаканчик с пола. – Отправляйтесь отдыхать, это приказ. Я отменил вам доступ в сеть на шестнадцать часов. Поспите, погуляйте. Ваши товарищи сегодня вечером устраивают какую-то вечеринку. Развейтесь и возвращайтесь к работе. В таком состоянии от вас мало толку. Отдыхайте, это приказ.

– Сегодня? – тупо повторил Кирилл.

Глянул на часы: два часа ночи. Кирилл на ватных ногах добрал до хопера, оставленного на стоянке под Башней. Он так устал, что едва не заснул по дороге. Не раздеваясь, рухнул в кровать, приказал «умному дому» разбудить его через восемь часов и отрубился.

Для корпоратива в Израильском Квартале сняли шикарные апартаменты. Места хватило всем: и сотрудникам отдела, и приглашенным – в основном, проституткам обоих полов. Кирилл вышел на огромный балкон: ему хотелось побыть одному. Из глубины квартиры доносились музыка и женский визг.

Незаметно подкравшийся Ройтман взял Кирилла за рукав.

– Ты что такой задумчивый, немец? Пошли, девочки ждут!

Кирилл выдернул руку и повернулся к коллеге.

– Аарон, откуда девочки?

Ройтман всплеснул руками, переходя на свой любимый местечковый диалект. Как все в Ройтмане, акцент был ненастоящим, наигранным.

– Он еще спрашивает – откуда! Таки где еще в этом городе достать девочек? Только в форштадте!

– А разрешения у них есть? Если нет или не в порядке, как наиграешься, сразу «физикам» их сдавай! Определенно зачтется тебе...

– Думаешь? – обрадовался Ройтман, но тут же увял: – Да нет, это же я их привел. Не засчитают, еще и взгреют. Ладно, я пошел. Присоединяйся!

Ройтман помахал пухлой рукой и ушел. Кирилл остался один. На соседнем балконе кто-то шумно, взасос, целовался, но Кирилл не обращал внимания. Он смотрел на расцветенный огнями Штильбург и думал.

К Кириллу подкатил Жиль на своем кресле.

– Зачем ты помог этому уроду?

Кирилл вздрогнул и повернул голову, глядя на Жюль сверху вниз. Зажужжали сервомоторы, крошечное тело распрямилось и поднялось вверх. Теперь Жюль смотрел Кириллу в глаза.

– Н-н-ну... личные качества Аарона службе мешать не должны, – ответил Кирилл. – Мы делаем одно дело.

Все в отделе знали, что Ройтмана держат на службе только потому, что он дальний родственник какой-то шишки из Совета Директоров.

– Какое дело? – Жюль моргнул, поддерживаемая металлическим подголовником голова качнулась. – Несчастных нелегалов ловим?

Кирилл кивнул.

– А ты не думал, почему они устраивают набеги? Они же просто хотят есть, Кирилл! Все эти страшные нелегалы, которыми нас пугают, это просто кучка голодающих бедолаг!

– Да? – Кирилл удивленно уставился на Жюль. – Они выбрали свой путь сами! Пусть сдадутся властям, их выставят за Периметр, в форштадт. И все, дело закрыто!

– А ты хоть раз был в форштадте? – тихо спросил Жюль. – По-настоящему, не в борделе или увеселительном квартале? Видел, как там люди живут? Там очень тяжело жить, Кир. Неудивительно, что эти несчастные готовы на все, лишь бы туда не возвращаться.

– Жюль, не я создал этот мир, не я законы придумал. Я просто приказы выполняю, это моя работа!

– Да, у вас, немцев, все иначе. Какой бы ни была власть, вы всегда держите руки по швам, – тихо произнес Жюль.

– Я солдат. И мой отец был солдатом.

– Да, ты солдат, идеальный служака. Ты ведь был на войне, медаль имеешь?

– Был, – отвел глаза Кирилл, вспомнив свой небогатый военный опыт.

– Это не война, это другое, – задумчиво произнес Жюль, а потом, набравшись смелости, добавил: – Мы служим государству, но государство и народ не одно и то же! Нас обманывают, Кир. Все, чему нас учили, – ложь. Все, что вокруг нас, – искаженная картинка, Зазеркалье. Разве об этом мы мечтали в детстве? Жаль, что я понял это слишком...

Жюль осекся. Двери раздвинулись, на балкон вышел Ройтман, обнимая двух размалеванных нетрезвых девиц. Он увидел Жюль и картинно прикрыл глаза ладонью:

– Не буду мешать интимной встрече.

Девицы захихикали.

– Свои шуточки для блядей побереги, – резко сказал Кирилл.

Ройтман сделал вид, что не услышал, и сказал одной из девиц:

– В древней Спарте уродов сбрасывали со скалы. Не такой уж плохой обычай, правда? А у нас каждого недоделка лечат, выхаживают.

Девица захихикала. Побледневший Жюль дернулся, как от пощечины.

– Что, обрубок, не нравится? Я бы поделился с тобой девочкой, но тебе же это не нужно, ты же у нас по пояс деревянный, – глаза Ройтмана сверкнули.

Надрывно жужжа мотором, кресло быстро покатило к двери. Из всех сослуживцев Кирилл только Жилия мог назвать другом. У него на глазах унизили друга, а он ничего с этим не сделал. Кирилл кинулся следом, хотел утешить, приободрить, но опоздал. Створки лифта закрылись перед носом. Кирилл бессильно сжал кулаки; ему отчаянно хотелось набить Ройтману морду.

Остатки самообладания победили, он вернулся в квартиру. Прошел через гостиную, безглаголиво отодвигаясь от совокупающихся на диванах парочек, вышел на балкон. Ройтмана уже не было. Снаружи шел дождь, вспышки молний подсвечивали стекающие по куполу потоки воды.

– Кир, а ты-то что здесь делаешь?

На балкон вышел Майкл Бекхем, заведующий лабораторией в техотделе. С ним была Полина, бывшая жена Кирилла.

– Я мог бы тебе этот же вопрос задать, – Кирилл слегка поклонился, растянул губы в улыбке. – Привет, По.

– Меня Ройтман пригласил, – скривился Майкл. – Приперся ко мне в отдел, выпрашивать какое-то радиоактивное масло. Я хотел его послать за официальной бумажкой, но он сказал, что от тебя. А потом пригласил на вечеринку. Ну, мне все равно вечером делать нечего, вот и...

– Ты опоздал, там народ уже вовсю зажигает. Впрочем, если вы по-быстрому разденетесь и туда нырнете...

– Это не то, что ты думаешь, Кирилл, – смешался Майкл. – Мы с По...

– Я ничего не думаю, мне все равно.

Кириллу было в самом деле все равно. Трехлетний брачный контракт с Полиной истек еще в январе этого года, и они не рвались его возобновлять.

– Да что ты с этим импотентом разговариваешь? Он же больной! – вдруг крикнула Полина.

Майкл взял Полину за руку, что-то зашептал на ухо. Она резко вырвала ладонь и отвернулась. Майкл вопросительно посмотрел на Кирилла. Кирилл пожал плечами, отвернулся и стал смотреть на рекламный щит напротив. На щите крутился видеоролик. Отвратительные бородатые дядьки в чалмах, смуглые и черноглазые, тащили куда-то связанных белых женщин. Сотрясая землю, маршировали бравые панцергренадеры, проносились стремительные реактивные беспилотники, заливая огнем все вокруг. «Они сражаются за свободу и демократию. Они сражаются за тебя!» – возвещала бегущая строка.

Кирилл смотрел вниз невидящими глазами. У него снова дергалась рука, уродливый полукруглый шрам на тыльной стороне ладони побагровел. Он стиснул перила и попытался поймать за хвост ускользающую мысль. Жилье что-то хотел ему сказать, что-то важное, но им помешали...

Кирилл еще немного постоял, потом развернулся и отправился домой. Отведенное на отдых время подходило к концу, надо было хоть немного поспать.

У лифта Кирилл столкнулся с соседом из квартиры напротив. Тот работал инженером на Ленинградской АЭС и месяцами не появлялся дома. Кирилл поздоровался, сосед ответил коротким кивком. Так получилось, что сосед открыл дверь на пару мгновений раньше. Кирилл краем глаза увидел, как в прихожей соседской квартиры мелькнуло чье-то лицо. Мелькнуло – и исчезло. Кто-то вышел встречать соседа, но увидел Кирилла и спрятался. Сделав зарубку в памяти – завтра же проверить, Кирилл провалился в сон.

Прошла неделя. На «интеллигентскую тусовку», как Кирилл называл про себя «Клуб Прикладной Истории», не удалось найти ничего компрометирующего. Сначала он наблюдал одновременно за всеми фигурантами, потом переключился на одного – Феликса Матецкого. Чем больше Кирилл наблюдал за ним, тем больше убеждался, что Феликс не тот, за кого себя выдает. Харизматичный Феликс читал книги, старинные бумажные книги, которые брал у про-

фессора. А еще они спорили, причем на равных: профессор слушал Феликса с интересом. Феликс имел редкий дар убеждения, был уверен в себе, эрудирован. Необычный набор качеств для простого работяги.

На закрытых заседаниях Клуба порой звучала очень резкая критика властей. Люди приходили, слушали, кивали и уходили ошарашенные. Но Кирилл знал: это пройдет. Они уйдут из Клуба и только немногие вернуться. А те, кто уйдет, очень быстро все забудут. В сознании сработают защитные механизмы, шаблон вернется на место, и спустя месяц-другой они будут вспоминать о Клубе как о кучке чудаков. Групп, подобных Клубу, появлялось по несколько в год. Их никто не преследовал и не закрывал. Они распались сами, теряя почти всех своих членов. Самых неугомонных, если они работали в ключевых точках полиса, тихо и без суеты переводили на другую работу.

Феликс с Хелен часто уединялись, пили вино и обсуждали тему свержения власти. Ничего конкретного, никаких зацепок, разговоры на общие темы. Хелен мечтала о построении справедливого общества, Феликс больше упирал на революцию: мол, главное – скинуть власть, а там посмотрим.

Видя, что дело не движется, Кирилл решил пойти ва-банк. Он попросил у Грубера разрешения перейти к активным действиям. Кроме смутного ощущения неправильности, несоответствия, у него ничего не было. Но Груберу нужен был результат, пусть и в нарушение всех протоколов. Скрепя сердце он дал Кириллу карт-бланш.

Из рабочих материалов Клуба Прикладной Истории

...через органы чувств: зрение, осязание, обоняние, вкус и слух – человек получает малую часть информации о реальности. Недостающее достраивает мозг. Каждый, объективно, живет в своей собственной реальности, так называемая «картина мира» – в значительной степени игра ума. Но информации, которую человек получает от органов чувств, достаточно для того, чтобы ориентироваться в пространстве, но недостаточно, чтобы этот мир понимать. Познание происходит через другие источники информации – книги, фильмы, но прежде всего виртуальную среду, которая предоставляет неограниченный мгновенный доступ к любой информации, хоть текстовой, хоть графической.

Получая какую-либо информацию, мы не в силах проверить ее достоверность. Наш мозг сортирует ее, исходя из своей внутренней шкалы. Любому факту присваивается индекс от «полный бред» до «истина в последней инстанции». Причем чаще всего мы присваиваем этот индекс, исходя из достоверности самого источника. Информация из источников, которым мы доверяем, автоматически получает более высокий индекс достоверности, чем информация из источников непроверенных, неизвестных. Доступной информации в разы больше, чем наш мозг может усвоить. Поэтому современный человек сам выбирает себе источники информации. Это приводит к парадоксальному на первый взгляд явлению: у каждого есть своя противоречивая картина мира. Двое людей, живущих и работающих рядом, могут иметь диаметрально противоположные взгляды, их картины мира могут различаться как небо и земля. Каждый из них будет искренне верить своему восприятию и так же искренне считать, что все вокруг думают так же, как и он. Это вообще свойственно людям. Но пока один из них не достанет ружье и не выстрелит в другого, тот и не догадается, что его сосед мыслит иначе.

Управляя информационным потоком, можно управлять как отдельным человеком, так и обществом в целом. Целенаправленно и осознанно работая с информацией, можно менять сами условия существования для людей. Не имея в сознании своих инструментов, чтобы отделить правду от лжи, а возможное от невозможного, человек неизбежно оказывается пленником чужой реальности, чужой картины мира. Чужой – значит, кем-то выстроенной. Легко догадаться, что все, от властей до торговых агентов, работают с сознанием других людей не бескорыстно.

Эти технологии появились не вчера. Во все времена элита обрабатывала сознание подданных, чтобы те работали и не бунтовали. Сто лет назад эта работа перешла на новый уровень. С появлением сетей стала возможной индивидуальная, направленная на сколь угодно малую целевую аудиторию, обработка информационных потоков. Например, в начале века многие, живущие в странах так называемого «золотого миллиарда», искренне верили, что живут в свободных и демократических странах. Люди верили в права и свободы, верили в идеологию потребления, хотя на деле прав и свобод у них было намного меньше, чем, скажем, в середине двадцатого века. А раскручивающийся маховик безудержного потребления привел к тому, что все доступные товары были недолговечными и очень низкого качества. Что же до свобод, то развитие систем наблюдения и слежения свело их к минимуму, заодно лишив людей частной жизни. В условиях абсолютной прозрачности всего и всех, простой человек полностью беззащитен не только перед полицией и спецслужбами, но и перед преступным миром.

В наши дни управление сознанием шагнуло далеко вперед. У каждого хай-тека имеется имплант, он подключен к сети и безостановочно получает и отдает информацию. Псевдоразумные компьютерные системы нового поколения, такие как Цербер, способны создать для каждого его личное информационное поле, его картину мира.

Официально цензура запрещена, и Цербер занимается только слежкой и предотвращением преступлений. Это то, что нам говорят, и это то, во что все верят. У нас нет доказательств обратного, но мы уверены, что Цербер искажает информацию, формирует ложную картину мира, скрывая от нас правду.

Еще один инструмент в руках властей – искусственное разделение людей на хай-теков и туземцев. Себестоимость базового импланта – сто евро, а рыночная цена достигает двадцати тысяч. Корпорации, захватившие власть, сознательно поддерживают цены на импланты на высоком уровне, чтобы сделать их недоступными для большинства людей. Принадлежность к классу хай-теков стала наследственной, ведь только хай-теки могут позволить себе купить ребенку имплант. А в зрелом возрасте научиться пользоваться современным имплантом почти невозможно. В результате мы разделены: малая часть, привилегированная, живет в закрытых полисах, пользуясь всеми благами цивилизации. Остальные влачат жалкое беспросветное существование...

Технополис Штильбург, май, 2082

С наступлением темноты жизнь в форштадте замирала. Редкие прохожие спешили по домам, прижимаясь к стенам и избегая освещенных участков. По ночам на улицу вылезали хоронившиеся от дневного света звери, лишь внешне похожие на людей. Неосторожный прохожий рисковал быть ограбленным, изнасилованным – независимо от пола, и даже убитым. Ночные улицы принадлежали преступникам. От агротехнического комплекса, где на гидропонной ферме работала Хелен, до ближайшей станции монорельса было полчаса пешком. На ее месте Кирилл бы заночевал на работе или попросил кого-нибудь подвезти. Но Хелен, как он уже успел убедиться, никого и ничего не боялась. На этом и строился их план. Выйдя через ярко освещенную проходную, она уверенно зашагала по тротуару.

– Объект вышел, движется по Мюллер-штрассе, – сообщил через имплант Грубер.

Никакой нужды дублировать информацию не было. Сидящий в оперативной машине СС Кирилл видел то же, что и оставшийся в отделе Грубер. За обстановкой следили сразу несколько беспилотников с камерами, микрофонами и датчиками. Рядом с Кириллом сидели переодетые в полицейскую форму эсэсовцы, которые, по сюжету, должны были с шумом и грохотом его ловить. Все застыли в томительном ожидании, глядя на медленно ползущую по экрану отметку.

Хелен свернула с Мюллер-штрассе на малолюдную Трифт-штрассе, освещенную только светом из окон домов. Для воплощения в жизнь придуманного Грубером хитроумного плана

была нужна темнота. Кирилл позвонил в мэрию и договорился, чтобы освещение отключили под видом плановых работ.

До стоящей в переулке машины было уже рукой подать.

– Приготовиться! – приказал Кирилл. – Все на выход!

Стараясь не шуметь, эсэсовцы полезли из машины. Кирилл свернул видеоконференцию, чтобы экранчик не маячил перед глазами. Теперь он только слышал начальника.

– Отставить, объект остановился, – сказал Грубер.

Кирилл жестом остановил коллег. Повисла напряженная тишина. Кирилл вернулся в машину, сел к экранам. Один из беспилотников следовал за бегущей по проулку Хелен. Огибая мусорные баки, девушка подошла к глухой стене, которой заканчивался проулок, и остановилась. Черно-зеленая картинка с инфракрасной камеры беспилотника качеством не отличалась, но Кирилл разглядел, что кроме девушки в проулке есть еще кто-то, какие-то маленькие фигурки.

– Отто, вы видите, что там происходит? – спросил Кирилл.

– Детишки мучают котенка, а эта дура понеслась спасать, – сообщил Грубер. – Делать ей нечего!

– Работаем?

– Оставайтесь на месте! – рявкнул Грубер.

Даже если они разыграют спектакль, Хелен скорее предпочтет спасти котенка, чем неизвестного мужчину. Операция срывалась на глазах.

Кирилл активировал микрофоны беспилотника и услышал детский плач.

– Ай, тетя, ухо, больно-о-о... – Малолетний садист просил пощады.

– Котику больно тоже! – Хелен говорила по-русски с ужасным акцентом. – Я тебя накажешь, маленький негодяй!

Стоило маленькому негодяю освободиться, как он сразу же заговорил по-другому:

– Ах ты, звезда с ушами! Я брату расскажу, он тебя мехом внутрь вывернет! – с безопасного расстояния прокричал пацан и убежал, размазывая слезы по щекам.

– Работаем? – снова спросил Кирилл.

Грубер ответил не сразу.

– Отставить! Мальчик кому-то позвонил. Операция отменяется, все в машину. Режим полной секретности!

– Есть!

Кирилл жестом подозвал топтавшихся возле машины коллег.

Хелен долго возилась в проулке, затем вернулась на улицу и пошла к станции монорельса. Она прошла мимо притаившихся оперативников, не замедлив шаг. По оттопыренной ветровке Кирилл понял, что девушка забрала котенка с собой. Кирилл кошек любил и мысленно ей рукоплескал. До того он относился к Хелен холодно и отстраненно. Как к объекту. Теперь он увидел в ней человека, причем человека приятного.

Отто Грубер был профессионалом с большим стажем. Он сразу сообразил, что на улицах форштадта, где и взрослые-то чувствуют себя неуютно, простые дети играть не станут. Только очень и очень непростые. Поэтому то, что произошло дальше, для него сюрпризом не стало.

Хелен уже подходила к перекрестку, когда улица внезапно осветилась ярким светом. Из-за поворота на полной скорости выехала машина. Это был большой вездеход с яркими фарами на «кенгурятнике» и дуге безопасности. В салоне гремела музыка. Машины на борогидридном топливе работали почти бесшумно, но эта ревом перекрывала городской шум.

Вездеход догнал Хелен, резко затормозил. Захлопали двери, стихла музыка. Кирилл снова подключился к беспилотнику и весь обратился в слух. На улице стало светло, как днем, качество картинки улучшилось.

– Это она? – спросил по-русски ленивый баритон.

– Она это, она! – запищал детский голосок. – Дай ей, братан!

Кирилл узнал маленького живодера.

– Ну, ты, самка макаки! Ты чего маленьких обижаешь, а? – растягивая слова, произнес обладатель баритона. – Это беспредел, придется ответить...

Фигурки на экране задвигались, охватывая жертву полукольцом.

– Садись в машину, звезда небритая. Отработаешь косяк натурой, в натуре. Мы тебе дадим пососать... дверную ручку. Иди сюда, чё стоишь? Смотри, а то хуже будет!

По пустой улице разнесся издевательский смех: бандиты надрывали животы. Кирилл затаил дыхание. Дрожащие руки вцепились в подлокотники.

– Я есть хай-тек! – крикнула Хелен, отступая. – Я звать полицией!

Отступить оказалось некуда.

– Отто, мы должны вмешаться! Они же ее изнасилюют! – не выдержал Кирилл.

– Оставайтесь на месте! – приказал Грубер.

Припертая к стене Хелен затравленно озиралась. Другая на ее месте потеряла бы сознание от страха или сдалась. Но Хелен Шнитке не из таких. Зря она, что ли, с детства занималась рукопашным боем? С отчаянным криком «кия-я-я!» девушка прынула вперед. Бандитский главарь со стоном сложился пополам, получив кин-гери в пах. Другой бандит схлопотал растопыренными пальцами в глаза. Сразу сосредоточившись на своем внутреннем мире, он потерял интерес к происходящему.

В рядах противника появился разрыв. Хелен вполне могла ускользнуть, если бы не котенок. В горячке боя она напрочь позабыла о том, что за отворотом куртки тяжело дышит изувеченное животное. Котенок упал на тротуар, Хелен машинально нагнулась поднять. Этого времени хватило, чтобы оставшиеся невредимыми бандиты вышли из ступора.

Только Хелен выпрямилась, как на нее обрушился удар. Она успела поставить блок, но уличная драка это не дружеский спарринг в светлом кондиционированном зале. Бандит блока даже не заметил, бицепс у него был толще, чем голова Хелен. Размашистый, круговой «рабоче-крестьянский» удар пришелся в подставленное девичье предплечье. С таким же успехом можно пытаться остановить тростинкой бейсбольную битку.

От удара в висок Хелен отлетела к стене и упала. Главарь, пошатываясь, встал на ноги и заковылял к ней.

– Вот тебе раз! Вот тебе два!

Главарь несколько раз пнул скорчившуюся Хелен носком ботинка. Девушка застонала.

– Нет! Больше никогда, нет! – еле слышно прошептал Кирилл.

Он рывком открыл бардачок, достал свой жетон, оставленный там перед операцией. У сидящего рядом коллеги выдернул из кобуры табельный пистолет и взялся за ручку двери.

– Фон Медем! Стоять! Вернитесь в машину! – закричал Грубер.

Кирилл не обратил на слова начальника внимания. До армии он занимался легкой атлетикой, стометровку бегал за одиннадцать секунд. Тренер бы им гордился: сейчас Кирилл показывал результат не хуже.

Взяв Хелен за руки и за ноги, бандиты понесли ее к открытому багажнику. Внезапно раздался топот.

– Оставьте ее, – одышливо произнес Кирилл, остановившись на границе светового пятна. – Оставьте и уезжайте отсюда.

Он трезво оценивал свои возможности. Этих так просто не раскидаешь, это не еле волочащие ноги туземцы, сидящие на эрзац-пище. Они были чем-то похожи на кегли: рослые, мускулистые, коротко стриженные, одинаковые.

Громилы остановились, опустили Хелен на асфальт и направились к Кириллу.

– А ты кто такой воще, а? Чё, тоже хочешь культяпки красной? Так мы мигом устроим!

Кирилл облизнул губы, попятился. Бандиты по-своему истолковали заминку.

– Боишься, когда страшно? – Смех главаря с готовностью подхватили подпевалы.

Выбора не оставалось. Кирилл хоть и был кабинетным работником, но общую подготовку прошел. На курсах его учили кричать страшным, парализующим преступника голосом. Бандитов остановили не слова Кирилла, не пистолет и не зажатый в левой руке жетон. Их остановил голос, в котором отчетливо слышался звон цепей, казенный дом и долгая дорога.

– СС! Всем стоять! Руки за голову!

– Слы, командир, спокойно! Не прыгай через забор! – вкрадчиво произнес главарь и примирительно поднял руки. – Нас тут уже нет. Нас тут и не было, да?

Бокон, не отрывая взгляда от направленного на них пистолета, бандиты забрались в машину. Взревел мотор, вездеход умчался. Улица снова погрузилась в темноту.

– С вами все в порядке?

Кирилл достал фонарик и наклонился к девушке. Та была в сознании и прикрыла ладонью глаза. Видимых повреждений не было, если не считать ссадин.

Кирилл помог Хелен встать. Она стояла скрючившись, прижав к груди руки.

– Нам надо идти. – Кирилл тронул девушку за плечо.

– Руки убери, – глухо, но отчетливо сказала Хелен и отстранилась.

– Как прикажете, – убрал руку Кирилл.

Девушка, покачиваясь, молча смотрела на Кирилла.

– Я прошу прощения! Я не представился! – Кирилл вытянулся и щелкнул каблуками. – Криминаль-инспектор СС Кирилл фон Медем!

На заплеванной вонючей улице вечернего форштадта церемониальное приветствие выглядело до того смешно, что молча наблюдавший за происходящим Грубер не выдержал. Кирилл услышал через имплант хохот начальника, но и ухом не повел.

– Фон Медем, значит... – пробормотала девушка. – Инспектор, надо найти котенка. Он был где-то тут...

В полицейском участке на станции монорельса Кирилла с Хелен сначала приняли неласково. Грязная, растрепанная Хелен и одетый в неброскую одежду Кирилл внешне на хай-теков не походили. Стоявший у входа полицейский, грозно помахивая дубинкой, посоветовал им убраться восвояси. На шум выглянул офицер, имплант показал ему звание Кирилла. Отношение поменялось, как по волшебству. Спешно вызвали фельдшера, который оказал Хелен первую помощь и сделал укол обезболивающего. Котенком фельдшер заниматься не стал, посоветовал отвезти в полис. Животное уложили в пластиковую коробку и торжественно вручили Кириллу.

Двое полицейских проводили их до вагона, расталкивая столпившихся у входа на перрон рабочих-гастарбайтеров. В полис ехала очередная смена: официанты, няни, садовники, слесари и прочий обслуживающий персонал, не имеющий разрешения на временное пребывание. Они проделывали это путь дважды в день, по три-четыре часа в один конец. Сутулые спины, угреватые, не привыкшие улыбаться лица, мутные глаза, плохие зубы. Кирилл с Хелен прошли, как сквозь строй, провожаемые взглядами – ненавидящими, завистливыми, но чаще всего – равнодушными.

– Нам повезло, что вы эсэсовец, – сказала Хелен, когда они сели в вагон для хай-теков. – Без вас мне бы не разрешили отвезти котика в полис.

– Определенно повезло, – кивнул Кирилл, – котику...

Они склонились над коробкой. Котенок был жив, хотя один глаз у него висел на ниточках, а сломанные передние лапки вывернуты. Он тяжело дышал, но умирать не собирался.

– Дети очень жестокие, – вздохнул Кирилл. – Цены страданиям не знают.

– А вы знаете? – Глаза Хелен сверкнули.

– Я – знаю!

Кирилл покосился на левую руку. Она никак не напоминала о себе. Кирилл перевел взгляд на Хелен и спросил:

– Как вас зовут?

– Вы же ээсовец, должны видеть, – улыбнулась уголком рта Хелен.

– Я техник, а не оперативник, допуска не имею...

Грубер молча следил за развитием событий. Не приказывал, не советовал – просто следил. Услышав реплику Кирилла, он не утерпел и сказал:

– Великолепно!

Монорельсовый путь дугой выгибался над Периметром, полосой отчуждения между полисом и форштадтами. Купол полиса с каждой минутой становился все ближе. Хелен с Кириллом – единственные пассажиры вагона, ехали молча.

– Кирилл, скажите, что делал офицер СС в форштадте в такое время и в таком виде? – спросила Хелен, когда поезд приехал на конечную станцию и они вышли из вагона. – Уж не за мной ли вы следили?

Кирилл тут же придумал историю о редком издании книги Марио Бунге «Детерминизм и Причинность», которую ему дал почитать старый знакомый, хозяин букинистического магазина в форштадте. Эта часть истории Кирилла не беспокоила – пусть проверяют, если хотят. Магазин существовал на самом деле, а хозяина Кирилл знал с детства. Тогда тот еще не был букинистом, а работал с отцом Кирилла в одной очень серьезной организации.

В полисе Хелен с Кириллом отвезли котенка в ветеринарную клинику. Девушка отказалась от услуг Кирилла, сказав, что доберется домой сама.

– Хелен, я еще увижу вас? – спросил Кирилл.

Раз знакомство состоялось, хоть и не так, как они с Грубером планировали, надо было пользоваться случаем.

– Нет ничего невозможного.

На прощание Хелен подала Кириллу руку.

Кирилл, оставаясь в образе галантного джентльмена, вместо того чтобы пожать ее, наклонился и приложился губами к ладони. И тут между ними словно искра проскочила. Он не обратил на это внимания, а она списала на статическое электричество. Статика или не статика, но Хелен в тот день легла спать с мыслью о Кирилле.

Вернувшись в отдел, Кирилл не ждал от Грубера ласковых слов, и тот его не разочаровал: немедленно вызвал к себе и устроил выволочку.

– Фон Медем, вы профессионал или наивный юноша? Я не узнаю вас! Вы нарушили приказ! Вы раскрылись перед объектом и поставили под удар всю операцию! Не говоря уже о том, что вы рисковали жизнью офицера СС!

Красный и злой Грубер кругами ходил вокруг стоящего по стойке «смирно» Кирилла, вколачивая упреки, как гвозди в гроб. Кирилл молчал. Он понимал, что начальник во всем прав. Герой, спасающий женщину от насильников, это слишком избито. Хелен, если она не совсем дура, заподозрит неладное.

– Виноват...

– Вы понимаете, что, если они уйдут на дно, все, что мы до сегодняшнего дня сделали, можно будет свернуть в трубочку и засунуть в задний карман?

– Я готов подать в отставку, – вскинул подбородок Кирилл.

– Молчать!!! – взревел Грубер. – Дезертир! Сопляк! Никакой отставки, ра-бо-тать пой-дешь! Работать!

Он пружинящим шагом прошелся по кабинету. Встал у окна, сцепив за спиной напряженные руки. Кирилл терпеливо ждал.

– Вы доведете это дело до конца, – не поворачивая головы, произнес Грубер. – И горе вам, если вы еще хоть раз не выполните мой приказ. Фон Медем, вы свободны.

Кирилл щелкнул каблуками и направился к выходу. Слова Грубера догнали его у двери:

– Я бы поступил так же, – тихо сказал Грубер.

Кирилл пожал плечами и закрыл за собой дверь.

На следующий день Кирилл нашел Хелен через социальные сети и назначил свидание. Они встретились в ветеринарной клинике, навестили котенка. Потом им совершенно случайно оказалось по пути.

Они быстро перешли на ты. Сначала Кирилл думал, что ему придется с натугой притворяться заинтересованным. Но скоро он с удивлением поймал себя на том, что ему нравится общаться с Хелен. Он рассказывал девушке о разных пустяках, вспоминал смешные случаи из жизни. Особенно интересовал ее отец Кирилла. Услышав о том, что он сын «того самого фон Медема», она забросала его вопросами. Кирилл не удивился: Готлиб фон Медем был фигурой легендарной. Кириллу его очень не хватало, он с гордостью вспоминал о том, каким был отец. Хелен внимательно слушала. О работе они не говорили, ни слова об СС не прозвучало.

Кирилл вряд ли смог бы объяснить, что его в ней привлекло. Совершенно обычная девушка, среднего роста, формы не выдающиеся. Волосы светлые, некрашенные. Косметикой и парфюмом почти не пользуется, одевается просто. Пластическая хирургия творила чудеса, и в полисе было очень много стильно одетых, красивых, эффектных женщин. Что далеко ходить – Полина была похожа на кинозвезду: длинные ноги, идеально скроенное лицо, остальное тоже на уровне. Рядом с ней Хелен показалась бы серой мышкой. Но от Хелен – не сравнить с холодной Полиной – волнами шло тепло, женский жар, который Кирилл чувствовал даже с закрытыми глазами. Когда они распрощались, он долго не мог прийти в себя. О работе Кирилл не вспомнил.

Кто знает, что было бы дальше, если бы Кирилл узнал о состоявшемся в тот же вечер разговоре Хелен с Феликсом. Для общения они выбрали «луковую сеть».

Теоретически «луковая сеть» была полностью анонимна. Участники сети обменивались между собой зашифрованными пакетами информации. При передаче пакета с сервера на сервер его словно бы «оборачивали» в новый слой шифрования. Потому ее и называли «луковой», по аналогии с головкой лука. Считалось, что она недоступна даже для Цербера.

Хелен вкратце все рассказала Феликсу.

«Это похоже на подставу», – отстучал Феликс в ответ.

«Согласна. Но это значит, что ничего конкретного у них нет, иначе мы давно сидели бы в Башне. Я думаю, что мне стоит поближе с ним познакомиться».

«Ты что, сошла с ума? Спать с ээсовцем это извращение!»

«Его фамилия фон Медем!»

Феликс долго не отвечал, потом написал:

«Родственник?»

«Сын!»

«Постарайся узнать как можно больше. Вдруг он что-то знает? Держи меня в курсе. До связи», – ответил Феликс и отключился.

Через три дня они забрали котенка из клиники. Тот был еще слаб, но уже охотно подставлял лобастую голову под ласковые руки и урчал, как трактор. Он даже пытался ходить, переваливаясь с боку на бок и подволакивая лапки, забранные в специальные шины.

– Какое чудо! – не сдержала восторга Хелен, пальцем почесывая котенка за ушком.

Котенок преданно смотрел на своих новых друзей уцелевшим глазом, трогательно подергивая хвостиком, похожим на морковку.

– И правда хорош, – согласился Кирилл. – Как мы его назовем?

– Питер... Нет, Шмуэль...

– Сильвер, – предложил Кирилл. – Раз одноглазый...

– Сильвер был одноногий, – тряхнула челкой Хелен. – Но мне нравится – пусть будет Сильвер!

Препирались недолго, и Сильвера забрал к себе Кирилл. Родители Кирилла держали kota, на него было специальное разрешение, без которого нельзя было заводить домашних животных. Они с Хелен купили котенку шикарный вольер и когтеточку – на будущее, когда поправится. А потом Кирилл пригласил ее отпраздновать событие.

Хелен заскочила домой, сменила полувоенные штаны и футболку на платье, и они отправились в ресторан. В Центральном парке, чуть в стороне от прогулочных аллей за ботаническим садом, среди кипарисов располагался небольшой ресторанчик в итальянском стиле. Полногрудая официантка принесла бутылку красного вина, изящные хрустальные бокалы. Кирилл открыл бутылку, разлил вино по бокалам.

– За любовь к животным! – Он поднял свой бокал.

– За животных, которые лучше людей!

Хелен отхлебнула и поверх бокала посмотрела Кириллу в глаза. Себе-то уж можно признаться – темно-карие глаза Кирилла ей нравились, и чем дальше, тем больше. У него был очень теплый взгляд. Когда они встречались глазами, у нее кружилась голова, а мысли о вербовке куда-то улетучивались.

– Бывают люди хуже животных.

Кирилл поставил бокал на стол, отвернулся, уставившись невидящим взглядом в заросли шиповника. Лежащая на столе рука сжалась в кулак. Хелен посмотрела в резко изменившееся лицо спутника и осторожно взяла его за руку.

– У тебя на руке шрам... Не расскажешь, откуда?

Кирилл высвободил руку, спокойно произнес:

– Ты лучше о себе расскажи. Мы столько всего обсудили, а я до сих пор ничего о тебе не знаю.

– Я обычный человек, а может, и не обычный... Или стану необычной. Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним, – Хелен улыбнулась.

– Понятно, вопросы в лоб придется для другого случая поберечь, – Кирилл улыбнулся в ответ. – Да, мир меняется, очень быстро меняется. За ним трудно успеть... А может, не нужно успевать! Я вот иногда сомневаюсь...

– Я знаю, в чем ты сомневаешься. – Хелен отсалютовала бокалом. – Ты сомневаешься в правильности происходящего. Ты смотришь, куда катится мир, и говоришь себе: а туда ли он катится? Так?

– Определенно, – кивнул Кирилл, не сводя глаз с Хелен.

Они смотрели друг другу в глаза, пока колокольчик у входа не известил о новых посетителях. Сначала Кирилл принял их за обычную компанию, но потом понял, что это семья. Трое мужей, две жены и нечто неопределенного пола. Наголо бритое, татуированное полуголое существо вели на цепочке за кольцо, продетое в нос. Если верить эсэсовскому импланту, существо было полноправным хай-теком и выбрало такую жизнь само.

Компания чинно расселась за длинным столом. Существо поставили миску у ног. Чавкая, оно принялось есть.

– Ты об этом? – вполголоса сказал Кирилл.

Хелен пожала плечами и быстро показала пальцем куда-то в сторону. Кирилл скосил глаза. За соседним столиком сидели несколько молодых людей. По характерному неряшливому виду и худым бледным лицам Кирилл опознал геймеров-виртоманов. У некоторых из рук торчали разъемы для капельниц – верный признак деградации, когда виртоман переходит на питательные растворы вместо обычной еды. Геймеры обсуждали свои геймерские дела, в разговоре мелькали слова: «шмот», «персы», «артефакты». Чувствовалось, что кроме виртуальных игр их ничего не интересует. Нетронутый торт со свечками наглядно показывал, что привело геймеров в ресторан.

– Понимаешь, Кирилл, можно сидеть сложа руки и вздыхать: куда катится мир? А можно катить его туда, куда считаешь нужным. Выбор твой...

Хелен наклонилась ближе к Кириллу. Он вдохнул запах ее волос и на мгновение потерял самообладание. Чтобы отвлечься, он стал разглядывать посетителей. В ресторане в этот день хватало всяких.

– Разве об этом мы мечтали в детстве? – задумчиво сказал Кирилл, вспомнив слова Жилия. – А ведь все могло сложиться иначе.

– Безвыходных положений не бывает! – сверкнула глазами Хелен.

– Это похоже на подпись к иллюстрациям Камасутры...

До Хелен наконец дошло, и она громко, раскатисто расхохоталась, показывая крепкие белые зубы. Кирилл тоже засмеялся.

Потом они долго гуляли среди диковинных деревьев, сидели на лавочке у пруда с лебедями, слушали пение птиц в бамбуковой роще. Вокруг неспешно прогуливались хай-теки, проносились по велодорожкам велосипедисты в облегающей яркой одежде; прошагал под барабанный грохот отряд юных брейвиков.

Солнце клонилось к закату, но полис и не думал затихать: начиналась ночная жизнь. Редко кто из хай-теков работал полный рабочий день. На личную жизнь и развлечения времени хватало. Когда зажглись фонари и приличную публику на аллеях сменили разнузданные ночные гуляки, Кирилл проводил Хелен до дома. Но не остался – время для этого еще не пришло.

В самом центре Западного форштадта, в двух кварталах от площади, где сходились транспортные потоки, находилась букинистическая лавка. Хозяина лавки в форштадте считали хоть и безобидным, но чудаковатым стариком. И клиенты его были из таких же, как он, городских сумасшедших. В эпоху хай-тека пользоваться таким большим и неудобным носителем информации, как бумажная книга, могли только спятившие коллекционеры. И странное дело, но в форштадте, где выживал сильнейший, букиниста не трогали. Его не грабили, он не вылетал в трубу и даже уличные хулиганы обходили стороной. Казалось, какая-то грозная тень хранила и скрывала магазин от алчных взглядов.

Колокольчик над дверью мелодично звякнул. Кирилл галантно придержал для Хелен дверь. Склонив голову, чтобы не зацепить низкую притолоку, вошел за девушкой. Дверь захлопнулась, наглухо отрезав городской шум.

Внутри пахло старыми книгами. Тусклая желтая лампа под потолком едва освещала дубовую стойку, оставшуюся с тех времен, когда здесь был паб. В глубь лавки рядами уходили забитые книгами полки, теряясь в темноте. На незанятой полками стене висели старинные картины. Ничего не напоминало о том, что снаружи двадцать первый век. Даже телефон на прилавке был старинный, с наборным диском. Каждый раз, когда Кирилл его видел, ему все время хотелось поднять трубку. Он бы не удивился, услышав гудок. Кирилл бросил берет на прилавок, постучал.

– Есть тут кто-нибудь? – громко сказал он по-русски. – Господин Бауэр?

Из-за полок отозвался дребезжащий старческий голос.

– Сейчас-сейчас! Иду-иду!

Шаркая растоптанными туфлями, на свет вышел высокий худой старик.

– Здравствуйте, господин офицер, – слегка поклонился он.

Кириллу бросился в глаза контраст между седой головой, морщинистым лицом и крепкой загорелой шеей. В пронзительном взгляде ни капли старческой немощи. Молодые и цепкие глаза осмотрели Кирилла с головы до ног.

– Я не офицер, – поправил Кирилл.

– Не прибедняйтесь, молодой человек, вам это не идет, – в глазах старика заплясали чертики. – Я пожил на этом свете и, когда вижу офицера, так и говорю.

– Здравствуйте, дядя Конрад! – спохватился Кирилл. – Я очень рад вас видеть!

– И я рад тебя видеть, Кирилл! Ну-ка, познакомь меня со своей очаровательной спутницей!

Кирилл представил Хелен. Старик поклонился и торжественно поцеловал Хелен руку.

– Я очень рада знакомству, – смутилась Хелен.

– Вы не говорите по-русски? Ах, я старый дурак, – всплеснул руками хозяин и перешел на немецкий: – Я совершенно упустил из виду, что вы можете не знать русского. Я молю о прощении!

Кирилл прошелся вдоль полок, разглядывая корешки книг. Конрад взял Хелен под руку и увлек в глубь магазина.

– Давно ко мне не заходили столь прекрасные юные дамы! Я сделаю вам кофе, особенный кофе по особенному рецепту... О, вы не знаете, какой у меня кофе! Такой кофе когда-то умели варить только в Старом Яффо и в Праге, и то не во всех кофейнях!

Старик щелкнул переключателем. За полками обнаружился уютный уголок: несколько кресел вокруг круглого столика и торшер. Хелен села в кресло, чувствуя себя неловко: с чего вдруг такая честь? Но отказываться не стала, побоялась обидеть радушного хозяина. Букинист суетился вокруг нее, то наливая кофе, то пододвигая вазу с печеньем, то предлагая плед.

– Вы каждого клиента так встречаете? – удивилась Хелен.

– Сказать правду, у меня их почти нет, клиентов, а те, что есть, давно ко мне ходят и стали, не побоюсь этого слова, друзьями. Взять хотя бы Кирилла! Скажу вам по секрету, вам невероятно, сказочно повезло с ним. Он тоже особенный, как его отец...

– Вы знали его отца? – подобралась Хелен.

– Знал ли я Готлиба фон Медема? О, мы были лучшими друзьями. Он был постоянным клиентом моей лавки. Круг по-настоящему интеллигентных людей стал очень узок в последние десятилетия. Чума, война... Так что нет ничего удивительного в том, что все мы в конечном итоге собрались в одном месте. Я доставал ему книжки для Кирилла. – Букинист многозначительно поднял палец. – Иллюстрированные русские сказки. Маленький Кирилл их очень любил.

Кирилл, стоявший за шкафами, улыбнулся. На его взгляд, старый зубр переигрывал. Хотя в его словах не было ни капли лжи. Он действительно доставал сказки, которые маленькому Кириллу читала няня. Потрепанные, с пожелтевшими от времени страницами, но при этом очень интересные. Вот только в то время дядя Конрад носил генеральские погоны. Лавка появилась позже.

– Расскажите о нем, – попросила Хелен.

– О Готлибе? Вы все знаете и так: посмотрите на своего спутника. Они очень похожи – отец и сын; не внешне, разумеется, внутренне. Кирилл такой же напористый, целеустремленный и уверенный в себе человек, как и его отец...

Старый букинист добрых два часа развлекал Хелен разговорами, а на прощание подарил коллекционное издание стихов Уильяма Блейка.

– Чудесный старик, – сказала Хелен на обратном пути. – Он русский?

Кирилл объяснил, что дядя Конрад немец, просто помешан на русской литературе, как и отец Кирилла. Это была полуправда – отец Кирилла хотел, чтобы сын знал русский, и покупал ему книги. Даже прислугу нанял русскую. Но любовь к языку тут была ни при чем.

Кирилл мог бы многое рассказать о Конраде Бауэре, настоящая фамилия которого была Пильгер. О том, как молодой художник нарисовал карикатуру на Мухаммеда и стал объектом охоты. Как в родной стране для него не нашлось безопасного угла. Как он переезжал с места на место, как его всюду преследовали исламисты: плевали, бросали камни. А власти просвещенной демократической Европы смотрели на травлю сквозь пальцы, чтобы не задевать чувства верующих. Однажды на дом, где жил художник, напала банда фанатиков. Жену изнасиловали и убили у него на глазах, перерезали глотки детям – годовалым близнецам. А художника оста-

вили на потом. Его спас сосед-студент, левый активист с аристократической фамилией фон Медем. После того как полиция закрыла дело «за отсутствием подозреваемых», фон Медем резко сменил политические взгляды. А художник надел военную форму и вернул долг с процентами... Но такие истории лучше не рассказывать юным особам.

Вагон монорельса был полон. Из форштадта возвращались гуляки, измотанные бурной ночью в увеселительном квартале. Кто-то громко, на весь поезд рассказывал в подробностях об оргии с малолетками, в которой участвовал.

Кирилл молча смотрел в окно. С высоты эстакады он видел привычную для Периметра картину: голая, безжизненная поверхность, изрытая воронками, с торчащими тут и там башенками автоматических пулеметов и огнеметов. Среди воронок кое-где чернели обгоревшие туши животных, по глупости зашедших в запретную зону. Подходы к полису надежно охранялись от любого вторжения.

Они сошли на первой же станции и пошли пешком. Дом Хелен оказался по дороге. Кирилл довел ее до дверей квартиры. Хелен зашла внутрь, а он остановился у порога.

– Ну же, мужчина, – Хелен выглянула из прихожей, – ты меня весь день обнимал... На словах. Пришло время обнять по-настоящему. Пойдем...

Серо-зеленые глаза и рассыпавшиеся светлые волосы делали ее похожей на русалку. Она взяла Кирилла за руку и мягко, но настойчиво потянула в квартиру. Он не сопротивлялся.

Технополис Штильбург, май, 2069

Оркестр играл бравурный марш. Весеннее солнце горело на меди труб и начищенных до блеска ботинках. Две сотни молодых парней, только что окончивших курс молодого бойца, отправлялись к новому месту службы. На перроне не протолкнуться. Сверкали новенькие кокарды и нашивки. До прибытия поезда оставалось полтора часа. Солдаты наслаждались последней возможностью пообщаться с родными и близкими.

Кирилл стоял в кругу приятелей и любезничал с сестрой сослуживца. Девушка кокетничала и строила ему глазки, они обменялись адресами электронной почты, но Кирилл знал, что она не станет его ждать.

Пришел отец. Они с Кириллом вышли в зал ожидания. Охранявший вход гаупт-ефрейтор и не подумал возражать, глядя на седого, увешанного боевыми наградами оберста. Когда Кирилл с отцом проходили мимо, ефрейтор вытянулся в струнку.

– Как мама? – спросил Кирилл.

Отец приехал прямиком из больницы.

– Без изменений, – махнул рукой отец. – Какие могут быть изменения?

– Жаль, что меня не отпустили к ней, – нахмурился Кирилл.

– Ни к чему тебе видеть маму такой! Пусть она останется у тебя в памяти здоровой и веселой. Так будет лучше. Ладно, сын, давай о другом поговорим. У меня к тебе серьезный разговор. Прежде чем ты уедешь на фронт, ты должен узнать...

– Да какой там фронт, – махнул рукой Кирилл. – Я же оператор комплекса огневой поддержки, «фантазер». Буду в тылу сидеть и роботом управлять. Самое страшное, что может случиться, – кофе на брюки пролью.

– Война всегда война, сын. – Отец словно бы не заметил, что Кирилл его перебил. – Думаю, ты это поймешь со временем. Но хватит болтать, времени у нас немного, а я должен успеть рассказать тебе...

* * *

Часы уцелели чудом. Раньше, до войны, их было по две штуки на каждую платформу, теперь остались только одни. Солнечные панели исправно подзаряжали батареи, и часы слу-

жили верой и правдой, даже оставшись в гордом одиночестве. Стоявший на перроне офицер в форме бундесвера глянул на наручные часы и отметил, что уцелевшие часы отстают на одну минуту. Офицеру на вид было не больше тридцати, на его плечах сверкали серебром погоны оберст-лейтенанта. Он потер седой висок и сгорбился.

Стоявший рядом с ним сержант обеспокоенно взглянул на белое как мел, лицо офицера.

– Командир, с вами все в порядке?

– Да. – Офицер выпрямился и расправил плечи.

Он не спал уже третьи сутки, у него сильно болела голова, но подчиненным об этом знать незачем.

– Озол, за мной! – приказал офицер и зашагал к вокзалу.

Он не стал выговаривать сержанту за излишнюю фамильярность. Война стерла границы между ветеранами. Они прошли через ад, и те, кто выжил, стали братьями, независимо от чинов. Полтора года боев, потерь и отступлений...

Над Старой Европой реяло зеленое знамя ислама. Многочисленные и вооруженные до зубов солдаты Халифата наступали на всех фронтах, убивая любого, кто не соглашался принять ислам. Свободный мир на глазах сжимался. Пыхал юг России. На востоке Украины напор турецких частей с трудом сдерживали русско-украинские соединения. Давно пали Германия и Польша. Теперь очередь дошла до Латвии и Белоруссии. Остатки армий НАТО, оставшихся верными присяге, с боями откатывались на восток. Перед ними рекой текли беженцы, наполняя страхом сердца жителей пока еще незатронутых войной земель. Европейцы проигрывали войну, окончательное поражение было лишь вопросом времени. Проигрывали, но не сдавались. Не сдавался оберст-лейтенант фон Медем, не сдавались солдаты ставшей легендарной Балтийской бригады, которыми он командовал.

В начале войны фон Медем был командиром резервного батальона бундесвера. Через месяц тяжелых кровопролитных боев от него осталась неполная рота. К тому времени объединенное командование поняло, что национальные части себя изжили. Батальон отвели на переформирование и развернули в бригаду, пополнив остатками разбитых соединений. Костяк составили немцы. Кроме них в бригаде были поляки, евреи, латыши и эстонцы, чехи, мадьяры, шведы. Поначалу фон Медему пришлось жестко пресекать межнациональные споры, но после нового витка боев, когда бригада провела на передовой три недели, все разногласия отошли на второй план. Солдаты стали братьями по оружию. Бригада отчаянно дралась в Польше и Литве и отступила, оставляя за собой наспех сколоченные кресты, которым не суждено было простоять долго: «бородатые» не щадили христианских могил.

В Риге в бригаду влились остатки латвийской армии. В ожесточенных уличных боях им удалось остановить наступление войск Халифата. За это бригада получила название Балтийской. Затем ее перебросили в Белоруссию, на отдых, оказавшийся слишком коротким: фронт рухнул.

Население в страхе бежало на восток. Единственным боеспособным соединением на пути противника оставалась бригада. Три с лишним сотни бойцов – и на батальон не наскрести, одно название, а не бригада, с горечью думал фон Медем, шагая к зданию вокзала. Было по-осеннему холодное утро. Под каблуками начищенных до блеска ботинок трещал лед замерзших за ночь луж.

Передовой отряд бригады, разведрота на вездеходах под командованием лейтенанта Райхерта, занял станцию еще ночью. С первыми лучами солнца к перрону подошел эшелон с остатками бригады.

От вокзала осталась половина. Стекланный свод зала ожидания обрушился внутрь вместе со стенами. Правое крыло сложилось, точно карточный домик, превратившись в груды ошестившихся арматурой обломков. Вечером сошел с рельсов поезд, перегородил путь, и на стан-

ции застряло несколько составов с беженцами. На ночь людей устроили в здании вокзала. А утром, перед рассветом, «бородатые» накрыли станцию ракетами.

На руинах копошились люди. Среди маскировочных курток солдат мелькали яркие комбинезоны пожарно-спасательной службы и русского МЧС. За полтора года на войне фон Медем видел и не такое, и беспокоиться не стал. Райхерт доложил обстановку: почти всех раненых вытащили, беженцев перевели в рядом стоящее здание вокзала пригородных линий.

К офицерам подошел человек в синей куртке МЧС и стал быстро говорить по-русски.

Фон Медем жестом остановил его и позвал сержанта. С помощью Озолса удалось найти общий язык. По словам эмчезника, отряд спасателей работал в Белоруссии уже месяц. Когда фронт подошел ближе, их эвакуировали на поезде – том самом, что вез беженцев. Никто из спасателей не пострадал. Как только закончился обстрел, они принялись вытаскивать пострадавших. Сейчас пытаются добраться до тех, кого завалило обломками. Выживших почти не было – здание вокзала построили еще при Сталине, без стальных балок и бетонных плит. Под обломками практически не осталось пустот, где мог кто-то уцелеть.

Райхерт выглядел плохо – красные от недосыпа глаза, дрожащие руки. Но смотрел твердо и докладывал четко.

– Хорошо, работайте, – кивнул фон Медем. – Что там с путями?

– Расчищаем. Я послал людей искать железнодорожников. Локомотивы надо заправить, проверить пути и все такое. Плохо, что людей нет: кого эвакуировали, кто сам уехал. Разрешите продолжать?

Фон Медем отпустил лейтенанта. Подошел к руинам, зашел внутрь. Грязные и усталые спасатели не обратили на него никакого внимания. Один, увидев, что фон Медем стал карабкаться по куче обломков вверх, с криком оттолкнул его. Озолс, как тень сопровождавший командира, поднял винтовку и щелкнул предохранителем. Спасатель, увидев красно-белую нашивку на рукаве сержанта, что-то прошипел сквозь зубы. Озолс рванулся к нему. Казалось, сержант убьет не раздумывая.

– Не смей! – Фон Медем с силой дернул Озолса за локоть.

Тот не стал спорить с командиром, отошел, бормоча под нос что-то неразборчивое.

– Спроси его, они проверили ту часть? – Фон Медем показал на кучу обломков у правого крыла.

Озолс спросил у ближайшего спасателя, тот коротко кивнул и вернулся к работе. Даже спустя много лет фон Медем не мог сказать, отчего его вдруг потянуло туда, что заставило рыться в обломках. На глазах у удивленного сержанта он стал разгребать кирпичи, пробираясь к оставшейся целой стене.

– Озолс, тащи лом! – бросил он через плечо.

Озолс принес не один лом, а два, и стал рядом с командиром. Они раскидали кучу кирпичей у стены. Сержант громко захохотал.

– Что такое? – спросил фон Медем.

– Ленин, – показал Озолс и снова согнулся в приступе смеха. – Мы откопали Ленина!

Из-под обломков показалось белое гипсовое лицо с бородкой. Фон Медем, уже готовый плюнуть и отойти, вдруг напрягся.

– Подожди, тут что-то еще, – бросил он Озолсу и принялся отбрасывать в сторону кирпичи и доски. Увидев кровь, сержант посерьезнел и бросился помогать. Вскоре среди мусора мелькнула человеческая рука. Снизу вдруг послышался истошный детский плач.

– Здесь выжившие! Ребенок! – крикнул фон Медем.

На крик сбегался народ. Спасатели оттеснили военных и принялись за дело. Спустя несколько минут из-под завала с величайшими предосторожностями достали крохотный пищущий сверток.

– Вот так штука, – почесал в затылке Озолс. – Ленин-то, паскуда, ребенка спас. Если б не статуя, раздавило бы сопляка, как его мамашу.

Гипсовый Ленин, падая, убил мать... и спас ребенка, загородив от падающих обломков. Стоящие вокруг мужчины замолчали, поняв, что увидели чудо.

– Мальчик или девочка? – спросил фон Медем.

Внезапно пересохшая глотка заставила голос задрезжаться.

– Мальчик, – ответил с русским акцентом один из спасателей.

– Вот что, Озолс, – фон Медем повернулся к Озолсу и приказал: – Бери документы матери, попробуй найти родственников или кого-то, кто знал эту семью.

– А ребенка куда? – спросил говоривший по-немецки спасатель.

– Мы о нем позаботимся.

Спасатели о чем-то заспорили, потом говоривший по-немецки протянул ребенка фон Медему.

– У вас ему будет лучше всего, – сказал спасатель.

Мир рушился, и спаянный боевой отряд оказался самым безопасным местом.

Фон Медем взял малыша на руки. Младенец посмотрел на него и улыбнулся беззубым ртом. Мужчина тронул ребенка за нос. Детские пальчики сомкнулись вокруг мизинца. На глаза офицера навернулись слезы. Он отнес ребенка к поезду, отдал военврачу и направился в штабной вагон.

Там его уже ждали офицеры. Командир первого батальона, капитан Домбровский, стал объяснять, показывая на карте:

– Я расставил людей по точкам. Мы контролируем подходы к станции, есть мобильная группа – резерв. Два беспилотника уже в воздухе, держим все в радиусе трех километров под наблюдением. Связь со штабом так и не восстановлена.

Фон Медем посмотрел на заместителя по электронной разведке и наблюдению, лейтенанта Бен-Элиягу.

– Все спутники связи одновременно исчезли с экранов, – доложил лейтенант.

– Командир, надо что-то решать, – вперед вышел майор Вайс, начальник штаба. – У нас на хвосте целая дивизия. Помощи ждать не от кого. В таких условиях выполнять приказ, который отдал сутки назад какой-то штабной болван, не знающий обстановки...

– Майор Вайс, – стальным голосом сказал фон Медем.

Вайс встал по стойке «смирно».

– Хочу вам напомнить, что мы все еще в армии, а не в банде. Мы давали присягу! У нас есть приказ удерживать узловую станцию до семнадцати ноль-ноль. И мы его выполним! Приказы не обсуждаются! Я не потерплю здесь демократии! – осадил фон Медем попытавшегося что-то сказать Домбровского.

Короткими рублеными фразами командир изложил план действий на ближайшие двенадцать часов.

Передовые отряды противника наступали бригаде на пятки, и фон Медем готовил им «теплую» встречу. Мобильные группы снайперов, стрелков и гранатометчиков под командованием капитана Домбровского заняли позиции вокруг станции. За уцелевшим зданием развернули гаубичную батарею.

– На путях стоят гражданские составы, проследите, чтобы локомотивы заправили как можно быстрее. Я хочу, чтобы к двенадцати ноль-ноль все гражданские покинули станцию. В первую очередь отправлять женщин и детей. Не хватало еще, чтобы этот бродячий цирк путался у нас под ногами, когда начнется бой. Всем все ясно?

Офицеры кивнули. Фон Медем пошел в купе переодеваться. Офицер не может себе позволить быть похожим на бродягу. Даже во время тяжелых боев за Ригу, когда каждая минута

отдыха была на вес золота, фон Медем находил время побриться, привести в порядок одежду и почистить ботинки. За чисткой ботинок его и застал вернувшийся сержант.

Родственников он не нашел. Женщина с ребенком ехала одна, села в поезд вечером, а ночью поезд разбомбили. Фон Медем пролистал окровавленный паспорт. Светлана Ковалева, гражданка Российской Федерации. На странице «дети» значился сын Кирилл, в графе «супруги» прочерк.

– Озолс, ты веришь в судьбу? – задумчиво спросил фон Медем.

– После Риги у нас в бригаде неверующих не осталось, – серьезно ответил сержант. – Думаете оставить ребенка себе?

– Да, – коротко ответил фон Медем.

У него не было детей. Они с супругой пытались завести ребенка, но не получалось. Она предлагала ему развестись и найти другую женщину, которая сможет родить, но он наотрез отказался.

– Это судьба, – задумчиво сказал фон Медем и положил паспорт в карман. – Значит, Кирилл... Знаешь, Озолс, это знак надежды, лучик света в кромешной тьме. Все рушится, кругом кровь и смерть, и кажется, что воевать больше не за что... А потом появляется новая жизнь, и надежда рождается заново. Это судьба, Озолс!

– Значит, мы их остановим, командир? – спросил зачарованный Озолс.

– Не только остановим. Мы их погоним обратно! – Фон Медем стукнул кулаком по столу. – Погоним эту сволочь до той вонючей дыры, откуда они вылезли, и загоним назад! Да так, чтобы они больше никогда не выползли на свет! Каждого бородатого ублюдка, всех до одного!

Дверь в купе была открыта, громкий голос командира разнесся по вагону. Подняв голову, фон Медем обнаружил, что на него из коридора смотрят солдаты.

– Что смотрите?! – рявкнул фон Медем. – Победа будет за нами! Ясно?

– Так точно! – от рева луженых глоток задрожали стекла.

В окно заглянуло солнце, и видевшие фон Медема подчиненные клялись потом, что вокруг командира разливалось сияние.

Смертельно усталый оберст-лейтенант прилег, приказав сержанту разбудить его в час дня, но поспать ему не дали.

– Командир, проснитесь! Там у вокзала буза!

Озолс тронул командира за плечо.

Фон Медем протер глаза, глянул на часы: полдвенадцатого. Выглянул в окно, но вокзала не увидел – к привокзальному перрону подали поезд. Он повернул голову и вопросительно посмотрел на Озолса.

– Только подошел поезд, как толпа бросилась его штурмовать. Бабу какую-то затоптали, наших помяли. Сейчас там драка. Майор Вайс послал меня за вами...

Фон Медем выругался и стал торопливо одеваться.

Было слышно, как по ту сторону поезда беснуется толпа. Выстрелы, крики, топот, женский визг сливались в жуткую какофонию.

– Сюда, командир. – Озолс влез на подножку и открыл ключом дверь одного из вагонов. В тамбуре стоял мрачный, как туча, майор Вайс.

– Они смяли наше оцепление и прорвались к поезду. Три вагона уже захвачены, остальные мы успели запереть. Они лезут в окна, пока нам удастся их сдерживать.

– Почему не стреляли? – Фон Медем чуть не сорвался, но удержал себя в руках.

– Стрелять в гражданских? Я не могу отдать такой приказ, – щека Вайса дернулась.

Фон Медем задумался. Было слышно, как со звоном разлетаются обращенные на перрон окна. Устало матерились солдаты, отбиваясь от лезущих в поезд беженцев. В дверь тамбура ломились с той стороны, кто-то яростно дергал дверную ручку. Фон Медем взялся за рацию:

– Солдаты, говорит командир. Приготовиться к ведению огня залпами по моей команде. Стрелять по верху голов. Особо наглых разрешаю стрелять на поражение. Приготовились!

По вагону прокатился звук щелкающих затворов.

– Огонь!

Хлестнул дружный залп. Над вокзалом с карканьем закружились потревоженные вороны. Восемьдесят стреляющих одновременно винтовок создают несравнимый ни с чем звуковой эффект. Противник сразу понимает, что ему противостоит организованная сила. Залп – еще и психологическое оружие. Одиночные выстрелы толпу не смущали, но залп – другое дело.

– Огонь! Огонь! – командовал фон Медем.

Толпа разбегалась. После четвертого залпа перрон опустел. Перед вагонами осталось несколько тел. Все, кто мог передвигаться, скрылись в здании вокзала. Фон Медем открыл дверь поезда и вышел на перрон. Внезапная тишина оглушала.

– Все наружу, кроме пулеметчиков. Выставить оцепление, – скомандовал фон Медем. – К поезду никого не подпускать.

Солдаты повалили из вагонов.

– Вот уроды, детей подавили, – сплюнул Озолс, склонившись над растерзанным трупом девочки лет десяти.

– Командир, что будем делать с теми, кто уже в вагонах? – спросил Вайс.

В захваченных вагонах было тихо, напуганные стрельбой беженцы прислушивались.

– Мне нужен мегафон, – приказал фон Медем.

Один из подчиненных Озолса принес мегафон.

– Эй, там, в вагонах! Даю пять минут, чтобы очистить поезд. Через пять минут откроем огонь на поражение! Время пошло!

– Лихо, – одобрительно кивнул Озолс.

Фон Медем сунул ему мегафон, и Озолс повторил по-русски то, что фон Медем сказал по-немецки.

– Вайс, расставить перед вагонами солдат, пулеметы туда. Приготовиться открыть огонь по моей команде, – приказал фон Медем.

– Есть! – не стал спорить Вайс.

Солдаты выстроились цепью перед вагонами, взяв окна на прицел. Но стрелять не пришлось – увидев, что военные настроены серьезно, беженцы, опасливо озираясь, стали по одному покидать вагон.

– Фашисты! – проходя мимо фон Медема, презрительно бросил один из них. Озолс скрикнул и плюнул себе под ноги.

– Вот ублюдки, а! Все как один здоровые мужики, ни баб, ни детей. Всех обогнали. Выживает сильнейший, однако.

– Озолс, вы говорите по-русски. Возьмите отделение, возьмите себе в помощь спасателей и организуйте посадку в вагоны. Сначала семьи с детьми и женщин. Любые попытки сопротивления жестко подавлять!

– Вот это дело, командир! – Озолс кинулся выполнять приказ.

– Все эти жертвы припишут нам, – покачал головой Вайс.

Фон Медем махнул рукой: он выполнял свой долг. Порядок есть порядок и так будет, пока он жив.

Из окон вокзала на них смотрели десятки ненавидящих глаз.

Под руководством Озолса посадка беженцев прошла спокойно. Всем хватило места, вагоны были обеспечены всем необходимым, водой и продовольствием. Выбитые стекла заделали фанерой. Ровно в час дня последний состав с беженцами покинул станцию. Фон Медем проводил его взглядом и облегченно вздохнул.

– Командир, обед готов, – доложил зам по тылу и повел офицеров к столам, накрытым у входа в уцелевшее здание.

Война, как известно, войной, а обед по распорядку. Зам по тылу даже скатерти раздобыл.

– Там внутри все загажено, я решил, что лучше на воздухе поедим, – объяснил он.

Фон Медем согласился: на воздухе так на воздухе.

Спокойно пообедать не получилось. Фон Медем съел второе и стал пить кофе, как вдруг начался обстрел. Первая мина рванула у разрушенного вокзала, попав прямо в лежащий на перроне советский герб. Когда рушился вокзал, герб, украшавший фронтон, упал вниз и каким-то чудом остался цел. Гипсовые осколки пролетели над головами обедающих и врезались в стену вокзала.

– Все в укрытие! – скомандовал фон Медем.

Сержант вытаращился на сидящего на стуле командира. Тот спокойно глотнул кофе и посмотрел на Озолса сверху вниз. Наученные войной, при первом же хлопке солдаты попадали со стульев на землю. Они смотрели на безмятежно пьющего кофе командира и не верили своим глазам.

– Кофе вкусный, сержант, – фон Медем улыбнулся. – Кстати, я отдал приказ уйти в укрытие.

Он почему-то был уверен в собственной неуязвимости. Будто кто-то сверху сказал ему: не бойся.

– А вот хрен тебе, – пробормотал Озолс, встал, пододвинул стул и сел напротив командира.

Глядя на них, стали подниматься остальные, но фон Медем прикрикнул, и солдаты кинулись в укрытие. Мины стали рваться ближе.

– Хамишь, сержант. – Фон Медем отсалютовал Озолсу чашкой.

Тот ничего не ответил и налил себе кофе.

Раздавшийся рядом взрыв мины сорвал с головы фон Медема фуражку. Вокруг засветили осколки.

– Пожалуй, надо все-таки укрыться, – заорал, не слыша себя, оглушенный фон Медем, глядя на оставшуюся в руке фарфоровую ручку; остальное смело осколками.

Фон Медем подобрал фуражку, махнул Озолсу рукой и направился ко входу в вокзал. Зайдя внутрь, отряхнул брюки, подмигнул изумленно тарачившим глаза на него солдатам и сел на раскладной стул.

– Минами лупят, – подал голос спрятавшийся за колонной Вайс. – Значит, они уже близко.

Командир взялся за рацию:

– Бен-Элиягу, поднимайте в воздух ракетные беспилотники. Надо подавить эту батарею.

Из окна вокзала фон Медем видел, как суетились на открытой платформе в середине эшелона техники, расчехляя квадрикоптеры и подвешивая к ним ракеты. Не прошло и двух минут, как машины взмыли в воздух и улетели на запад. За вокзалом глухо заухали гаубицы. Командир артдивизиона капитан Эрикссон, не дожидаясь приказа, начал контрбатареиную борьбу.

Воспользовавшись затишьем, офицеры перебрались в штабной вагон. Фон Медему доложили о потерях и повреждениях. Одна из мин разворотила крышу пустого пассажирского вагона. Вспыхнул пожар, оперативно потушенный группой борьбы за живучесть. Потерь среди личного состава не было.

– Райхерт, берите своих людей, выдвигайтесь вот к этой станции, – фон Медем показал на карте.

Райхерт откозырял и пошел будить своих людей. Вскоре точки, обозначающие вездеходы разведроты, подползли к восточному краю тактического экрана и исчезли. Вовремя: с западного края уже появились красные отметки.

Два разведывательных беспилотника, вооруженные только камерами и инфракрасными датчиками, служили бригаде глазами и ушами. Паря над полем боя на недосягаемой для стрелкового оружия высоте, они снабжали информацией о происходящем внизу центральный компьютер, который анализировал ее, обобщал, привязывал к топографическим картам и транслировал на боевые компьютеры солдат и командиров. У каждого солдата был такой компьютер, с опускающимся на левый глаз экраном, отображавшим местонахождение друзей и врагов. Беспилотники вместе с боевыми компьютерами и спутниками превращали каждое отделение, каждый взвод в единое целое. Сидящий в штабе командир видел всю картину целиком на большом, во всю стену, экране.

– Бронетехника с пехотой. Пока немного, около роты пехоты, плюс танк или что там у них, – наметанным глазом оценил Вайс.

– Прощупывают, – кивнул фон Медем и приказал: – Работайте, Вайс. Это передовой отряд. Создайте у них впечатление, что нас тут хотя бы полк. Пока они не знают, сколько нас, можно надеяться. Если мы им как следует врежем, они остановятся и начнут разворачиваться в боевые порядки.

Вайс кивнул, надел наушники и сел в кресло, развернувшись к экрану. Лучший тактик в бригаде, он хорошо знал, что делать. Фон Медем посмотрел в окно. Часы на перроне показывали ровно полтретьего.

На большом экране остальные офицеры видели, как Вайс маневрировал взводами, отделениями, отдельными солдатами. Спокойным голосом, будто на учениях, он отдавал приказания, нажимал на кнопки, подсвечивая приоритетные цели. Красных отметок становилось все больше, они теснили зеленые, отжимали к вокзалу. Балтийцев было намного меньше, но они не бежали, а отходили, огрызаясь огнем. Почти всю бронетехнику бригада потеряла в предыдущих боях, но ей было чем ответить. Одна за другой группы гранатометчиков докладывали о подбитых танках противника. Балтийская бригада оказалась крепким орешком. «Бородатые» гибли один за другим, проклиная белых дьяволов с их сатанинской хитростью и изворотливостью. Бой кипел уже на привокзальной площади. Все подразделения бригады отошли к вокзалу. Фон Медем приказал сворачивать гаубицы. Ответный огонь бригады стал слабеть, но, пока вокзал находился в руках балтийцев, противник не мог пересечь площадь. Понимали это и «бородатые». На здание вокзала обрушился шквал огня. Отдельные группы боевиков просочились по путям в дальние станционные постройки. Вокруг эшелона засвистели пули.

– Командир, я рекомендую начать отход, – ровным голосом произнес Вайс.

– Бригада покинет станцию согласно приказа, – так же спокойно ответил фон Медем.

– Воздух! На нас идут вертушки! – доложил следящий за радаром Бен-Элиягу.

– Дивизион ПВО на выход, – приказал фон Медем.

На крыши вагонов вылезли солдаты с переносными ЗРК. В хвосте эшелона раздалась скороговорка автоматической пушки. На платформах впереди и сзади эшелона стояли гусеничные ЗСУ со скорострельными многоствольными пушками. Встретив сопротивление, вертолеты отвернули, стрекот удалился. Огонь противника стал стихать. Красные точки отползли.

Пройдет не меньше двух часов, пока враг перегруппируется, подтянет резервы, прикинул фон Медем.

– Готовимся к отходу, господа. Отличная работа!

Пехотинцы стали стягиваться к эшелону. Последними ушли снайперы. Фон Медем вышел на платформу и стал ждать, поглядывая на чудом уцелевшие часы. Показалась последняя группа. Один из солдат был ранен и мешком висел на плечах у товарищей. Командир слез с платформы на пути и помог. Наконец последний солдат скрылся в вагоне. На перроне остался только командир.

– Вайс, все солдаты вышли? – глянув на часы, спросил по рации фон Медем.

– Так точно, командир, все.

– Тогда отходим. Передайте на локомотив: трогаемся!

Локомотив дал гудок, предупреждая об отходе, затем еще один. Поезд тронулся и поплыл вдоль платформы. Фон Медем бросил последний взгляд на вокзал, точно пытаюсь сфотографировать его на память, быстрым шагом догнал удаляющийся вагон, ловко запрыгнул на ступеньку. Солдаты втащили его в тамбур. Мимо проплыли чудом уцелевшие часы. Они показывали ровно семнадцать ноль-ноль.

* * *

– Так вот почему у меня русское имя... Я не ваш сын, – пробормотал изумленный Кирилл.

– Ты наш сын, – возразил отец. – Мы вырастили тебя, воспитали. Мы любим тебя! Наша с мамой любовь важнее крови. Ты – наш сын, и всегда будешь нашим сыном. То, что тебя родила другая женщина, ничего не меняет.

Он положил руку Кириллу на плечо.

– А почему ты мне это рассказал? – выдавил из себя Кирилл.

– Ты имеешь право знать о своем происхождении. Когда тебе исполнилось восемнадцать, мы с мамой хотели тебе обо всем рассказать. Но ты уходил в армию, и я решил, что надо подождать, пока ты не окончишь курс молодого бойца.

– Вы не пытались найти моих родственников?

– Пытались, но фамилия Ковалев одна из самых распространенных в России. А архивы и базы данных пропали... Что было дальше, ты знаешь: я отвез тебя в Санкт-Петербург, к маме...

Кирилл вспомнил затопленный город, куда они с классом ездили на экскурсию, и кивнул. О том, что было дальше, знал каждый школьник Федерации: война быстро переросла в ядерную, потом и в бактериологическую. Началась Великая Война, за ней пришла Чума, чуть не уничтожившая человечество. Прежде чем появилась вакцина, в живых оставался один из десяти землян. Африка обезлюдела, Европа лежала в руинах, и одичавшие собаки выли на пепелищах когда-то блистательных городов.

Гаупт-ефрейтор подошел к увлеченным беседой отцу и сыну.

– Извините, господин оберст, объявлена посадка...

На прощание отец обнял Кирилла.

– До свидания, сын! Всегда помни, что ты – фон Медем!

Гаупт-ефрейтор нетерпеливо кашлянул. Кирилл разомкнул руки, подхватил свой вещмешок и поспешил на перрон. Отец смотрел ему вслед. У выхода Кирилл оглянулся. Больше он никогда не видел отца живым.

Технополис Штильбург, май, 2082

Восходящее солнце окрасило облака над полисом в нежно-розовый цвет. Кирилл сидел на балконе, смотрел на парк, расстилавшийся четырнадцатью этажами ниже, и слушал пение птиц. Легкий ветерок охлаждал мокрые после душа волосы. На лице играла мечтательная улыбка.

С тихим шорохом отъехала дверь, и на балкон вышла Хелен. Из одежды на ней были только шлепанцы. Кирилл посмотрел на нее, и улыбка стала шире.

– Кофе? – спросила Хелен, усаживаясь в кресло напротив Кирилла.

Кирилл кивнул, не сводя с нее глаз. На балкон выкатился домашний робот и остановился между кресел. На плоской крышке парили две чашки. Кирилл взял чашку, глотнул, откинулся на спинку кресла, шурясь, как объевшийся сметаны кот. Он вспоминал вчерашний вечер... и ночь.

Глядя на размякшего, счастливого Кирилла, Хелен с удивлением поняла, что ей нравится смотреть на него. Такого никогда не было – чтобы на ее балконе, в ее кресле утром сидел мужчина, и ей было приятно на него смотреть. Чтобы перевести разговор в деловое русло, Хелен пришлось поднапрячься.

– Скажи, ты любишь свою работу?

– Что?

Кирилл удивленно уставился на Хелен. Он не сразу смог переключиться, вернуться с небес на землю.

– Определенно люблю, – не сразу ответил он.

– Ты служишь не народу, а кучке зажавшихся политиканов, – Хелен замолчала, подбирая слова.

Обычно она за словом в карман не лезла, но сейчас почему-то ничего не приходило в голову. Хелен лихорадочно вспоминала, что говорили в Клубе.

– Демократии нет, есть олигархическая диктатура, прикрытая фиговым листком выборов. Цербер следит за каждым нашим шагом. СС защищает привилегии избранных, подавляя свободу остальных!

– СС стоит на страже закона и порядка и защищает покой граждан Федерации, – Кирилл процитировал устав Санитарной Службы и улыбнулся.

Улыбался он не словам Хелен, просто ему было хорошо: он наслаждался каждым мгновением, каждым взглядом.

– Ты служишь ублюдкам! Свобода – наивысшая ценность. Если ты этого не понимаешь, значит ты такой же, как они! – срывающимся голосом закричала Хелен.

Она вскочила и, как зверь в клетке, забегала по балкону, выкрикивая лозунги про подавление свобод, про системы слежения, отменившие личную жизнь, про зажавшихся хай-теков. Выходило фальшиво и неубедительно. Поймав устремленный на нее мечтательный взгляд, Хелен оборвала гневную речь на середине фразы.

– Ты красивая, – сказал Кирилл.

Он не вслушивался в слова, а молча любовался. В гневе Хелен была прекрасна.

Ее точно ледяной водой окатили. Она разозлилась, но не на Кирилла, а на себя. Ей хотелось говорить и делать совсем другое, но вместо этого она несла какую-то пафосную чушь. Хелен поняла это, успокоилась, села напротив Кирилла. Взяла чашку, глотнула еще теплый кофе.

– Хотелось бы еще встретиться. – Кирилл дотронулся чашкой до чашки Хелен. – Когда и где?

– Приходи сегодня вечером к нам, в Клуб. – Хелен сказала совсем не то, что собиралась.

Сперва ей захотелось послать его куда подальше. Ни один мужчина не разговаривал с ней так. Хелен была сильным человеком и привыкла быть активной, в том числе и в постели. Она вспомнила вчерашний вечер и улыбнулась: Кирилл ее удивил. Когда за ними закрылась дверь, Хелен увлекла его на кухню. Кирилл был как деревянный, она чувствовала, насколько он напряжен. Она приготовила ему коктейль. Он залпом выпил и словно замер. Хелен медленно стала его раздевать. Оставшись без одежды, Кирилл точно проснулся. «Раздевайся», – хрипло произнес он, и Хелен, к своему удивлению, беспрекословно подчинилась.

Она вспомнила это и улыбнулась. Они смотрели друг на друга, два счастливых человека.

От Хелен Кирилл поехал прямо в отдел. Стоило ему войти, как его вызвал начальник.

– Кирилл, если выплывет наружу ваша вчерашняя... эскапада, вашей карьере конец. Вы понимаете? – Грубер заглянул Кириллу в глаза.

– Так точно, понимаю, – кивнул стоящий навтыжку Кирилл.

– Вы можете быть спокойны, я запись уничтожил. Так что это пока останется между нами, – сказал Грубер, сделав ударение на слове «пока». – У меня к вам вопрос, очень серьезный вопрос. Вы понимаете, что она вас вербует? И в постель затащила именно для этого?

– Знаю, но ничто не мешает мне свои обязанности выполнять, – твердо сказал Кирилл.

Примерно в это же время такой же вопрос, почти дословно, Феликс задал Хелен. И получил такой же ответ. И, как Кирилл, Хелен слукавила, выдавая желаемое за действительное. Все было серьезно... серьезнее, чем они думали.

Кирилл вернулся в свой кабинет. Думая, чем бы заняться, он неожиданно вспомнил о соседе. Лег на кушетку, соединился с Цербером и дал команду показать его квартиру.

Женщина порхала по кухне, напевая себе под нос модный мотивчик. На сковородке что-то скворчало, подпрыгивала крышка кастрюли. Кирилл, видевший, как готовят еду только в учебных фильмах, засмотрелся.

Никто в полисе не готовил сам – с этим отлично справлялся автоповар. Когда он был маленьким, мама вроде бы что-то пекла сама... а может, и не пекла. Детские воспоминания Кирилла больше напоминали пачку старых, разложенных не по порядку фотографий. Что было, в какой последовательности, да и было ли вообще, он наверняка сказать не мог.

Кирилл принялся за работу. Поверхностное сканирование тут же показало отсутствие импланта – значит, женщина не хай-тек. Все гастарбайтеры в полисе носили карточки со встроенным чипом, но внутри частного владения их разрешалось снимать. Карточки не было, определить личность женщины не получилось.

Использовать датчики «умного дома» для биометрического сканирования было не лучшим вариантом, но ничего другого не оставалось. Кирилл запустил программу и стал ждать. Результат его не удивил: женщина не значилась ни в одной базе данных. Кирилл засомневался. Ему вдруг стало жаль эту женщину, которую выгонят в форштадт. Но, с другой стороны, порядок есть порядок. Раз эта женщина в полисе нелегально, он обязан доложить, ведь это его работа. Даже не работа – служба, ведь он давал присягу. Кирилл ухватился за эту мысль, спрятавшись за нее и торопливо отстучал короткое сообщение «физикам», в отдел силового обеспечения.

Приведя в порядок дела, Кирилл поехал домой, переодеться перед визитом в Клуб Прикладной Истории.

«Физики» среагировали на сигнал быстрее обычного. Кирилл рассчитывал, что они придут проверять соседей на следующий день, но просчитался. Выходя из лифта, он услышал шум. Подойдя к своей квартире, он увидел, что соседняя дверь открыта. В квартире что-то со звоном разбилось, послышался треск ломающейся мебели и глухие удары, затем донесся истошный женский крик. Кирилл заглянул. В прихожей стояли двое в форме Санитарной Службы.

– Работает СС! Проходим, не задерживаемся! – Один повернулся и увидел Кирилла.

– Погоди, – остановил его второй.

У того был командирский допуск. Имплант указал ему место службы и звание Кирилла. Чуть понизив голос, командир доверительно сказал Кириллу:

– Нелегалов ловим.

В глубине квартиры раздался крик. «Физики» сразу забыли о Кирилле и бросились внутрь. Кирилл остался у входа, не в силах переступить порог. Под ложечкой противно засосало: он представлял, что сейчас увидит. Хотелось уйти, спрятаться, не видеть и не слышать.

Из квартиры выволокли упирающегося соседа, заломили руки и поставили лицом к стене. Два дюжих «физика» зорко следили за ним. Сосед с натугой повернул голову. Кирилл увидел белое как мел лицо с черными от ужаса губами. Шум в квартире не утихал.

– Ах ты, сука! – взревел мужской голос. – Держи ее, лови!

Чуть не сбив Кирилла с ног, в коридор, выпучив глаза, выскочила женщина. В одном халатике, с растрепанными волосами, босая. Следом вылетели красные, разъяренные

«физики». Женщина кинулась по коридору на балкон. Кирилл бросился за ней, пытаясь остановить, но не успел. Одним прыжком она оказалась у перил, перелезла на другую сторону и застыла. Кирилл выбежал на балкон.

– Стой, дура! Нет! – срывая голос, крикнул он.

Женщина повернула голову. Ветер откинул волосы, Кирилл отшатнулся, пораженный отразившимся на лице отчаянием. Она что-то шептала, но слова уносил ветер. «Физики» вылетели на балкон, ринулись вперед, точно носороги. Женщина отвернулась, отпустила перила, наклонилась и исчезла. Кирилл навсегда запомнил развевающиеся на ветру волосы, последнее, что он видел. Кирилл подбежал к перилам, посмотрел вниз. До земли было сорок восемь этажей. Он успел увидеть, как ее тело отлетает, ударившись о выступ, и падает на столик одного из ресторанчиков, облепивших подножие башни.

– Зачем? Зачем? – Кирилл вцепился в перила, едва не вывалившись вслед за женщиной. – Почему она это сделала?

– Дык, браток, кому ж на каторгу-то охота? – равнодушно пожал плечами подоспевший командир «физиков».

В Евро-Азиатской Федерации пенитенциарных учреждений не было. Нарушителей изгнали из полисов в форштадты, особо опасных высылали в удаленные поселения, где они и жили, отрезанные от мира. В отделе даже фильм показывали о жизни высланных за Уралом. Деревянные дома, коровки пасутся – пастораль.

– Каторгу?!

– В Тронхейме стройка века, рук не хватает...

Прочитав месяц назад в приказе про непонятные «принудработы», Кирилл принял их за разновидность таких поселений. Но каторга?! Слова «физика» прозвучали как бред сумасшедшего.

«Физик» правильно истолковал выражение лица Кирилла:

– Вы там, в наружке, вообще, что ли, приказов не читаете? Всех нелегалов на принудработы, а хай-теков, которые им помогают, из полиса пинком. И правильно, я считаю! Полис не резиновый!

Кирилл вернулся в коридор. На нем лица не было. «Физик» презрительно усмехнулся: тоже мне, офицер наружки. Он искренне считал, что хлюпикам в СС не место.

– Ну, что там с бабой, командир? – спросил державший инженера мордovorот.

– Сиганула с балкона, – махнул рукой командир. – Вызывай отдел очистки, пусть внизу приберут.

– Фашисты! Убью!

Услышав о смерти подруги, инженер озверел. Маленький щуплый сосед с легкостью, присущей лишь обреченным, разбросал державших его «физиков» и бросился на командира.

Эсэсовец спокойно сделал два шага назад и потянул из кобуры тазер. Иглы впились в грудь нападавшего, раздался треск, запахло озоном. Инженер свалился без сознания. Командир брезгливо махнул рукой. Бесчувственное тело унесли к лифту.

Кирилл на ватных ногах пошел домой. С щелчком дверного замка из него точно вынули стержень. Он сполз по стене и долго сидел на полу в прихожей, уставившись в стену невидящими глазами.

В Клуб Кирилл чуть не опоздал. Дверь арендованного для заседаний конференц-зала закрылась за ним, заскрежетал в замке ключ. На окна опустили жалюзи. При виде такой «конспирации» Кирилл мысленно усмехнулся: дети, иначе не скажешь.

Собрание в этот раз выдалось скучным. Профессор вещал без огонька и, на взгляд Кирилла, говорил банальности. Офицеру СС мантры про управление сознанием и чуть ли не зомбирование народных масс давно наскучили. Кирилл сидел в углу, стараясь быть как можно незаметнее. Его мутило, он никак не мог забыть покончившую с собой женщину.

Хелен сидела в первых рядах и о чем-то перешептывалась с Феликсом. Вместо обычного наряда – камуфляжных штанов и ковбойки, она надела платье. Когда профессор выдохся, объявили перерыв. Все вышли в холл размяться. Кирилл с интересом разглядывал собравшихся. Многих он узнал – просматривал их досье, а за некоторыми даже следил. Он знал, например, что вон та дама в красном, кроме двух официальных мужей, имеет еще и любовницу, а в Клуб ходит в поисках приключений. А вон тот худощавый юноша – постоянный клиент психоаналитика. Народ был разный, всякой твари по паре, но в основном интеллигенция, с приставкой «гнилая»: бездельники, имитирующие бурную деятельность. Кирилл терпеть их не мог. Мечтать о революции, которая первым делом лишит тебя теплого места и привилегий, по его представлению, мог только глупец.

Оставив Феликса, Хелен подошла к Кириллу, протянула стакан с апельсиновым соком. Кирилл поблагодарил. Он почувствовал спиной взгляд, повернулся и не удивился, увидев горящие ненавистью глаза Феликса.

Феликса, настоящая фамилия которого была совсем не Матецкий, друзья называли «Железным Феликсом». Всю сознательную жизнь он сражался с системой, которую Кирилл защищал. Феликс боролся против любой власти и любого принуждения. Не потому что его кто-то принуждал: он просто не мог иначе. Вылетев из колледжа с «волчьим билетом», Феликс не опустил руки. В Метрополисе не было ни одной андерграундной группы, в которой бы он не состоял. Большинство таких групп оказались не подпольем, так, кучки скучающей молодежи, по сути, субкультура. Поиск «настоящей» борьбы привел Феликса в анархическую группу, готовившую серию терактов. В группе оказался провокатор, и незадачливых террористов все время «вела» Санитарная Служба Метрополиса. Их взяли, осудили и отправили на каторгу. Отсидев срок, Феликс тут же взялся за старое. Его снова посадили, на этот раз пожизненно. Но он сумел сбежать из строго охраняемой тюрьмы в Метрополисе и перебрался в Штильбург, где стал набирать новую группу.

Глядя на Кирилла, Феликс медленно закипал. Таких, как этот эсэсовец, он не любил – понимал, что пока они на стороне системы, ему не победить. Это не погруженный в виртуальные игры доходяга, превратившийся в растение. Этот из тех хай-теков, что мнят себя хозяевами жизни. Уверенный, спокойный, симпатичный. И двигается легко, заметно, что он в хорошей физической форме. Такие нравятся женщинам, отметил Феликс и почувствовал укол ревности. Хелен ведь для него нарядилась, для этого чертова эсэсовца. И сок поднесла, дура влюбленная...

Поймав неприязненный взгляд Феликса, Кирилл украдкой показал средний палец. Феликс дернулся, как от удара током. Кирилл не любил революционеров, не мог им простить смерти отца. А Феликс, Кирилл это чувствовал, был как раз из таких. Мгновенно вспыхнувшая неприязнь оказалась взаимной.

- Ты плохо выглядишь. – Хелен взяла Кирилла за подбородок и заглянула в глаза.
- У меня неприятности на работе, – пожегил Кирилл.
- У меня тоже, – призналась Хелен.

Один из ее подчиненных, рабочий из форштадта, потерял руку. Во время погрузки товара сунул руку между контейнеров. Грузовик дернулся, контейнеры сдвинулись, и от руки осталась куча кровавого тряпья, висящего на остатках сухожилий. Рабочего отвезли в больницу, то, что осталось от руки, ампутировали. Оплачивать больничный счет пришлось Хелен. Никакой страховки у рабочего не было: простым работягам это не по карману. А бесплатная медицина давно ушла в область преданий.

Вдобавок ко всему руководство фермы отказалось выделить семье пострадавшего хоть какие-то деньги. Хелен отыскала в полисе хозяина агропромышленного концерна и обратилась напрямую к нему. Результат оказался предсказуем: явившись на работу, она обнаружила на столе письмо об увольнении.

– Мы собираем деньги, – закончила она свой рассказ. – Человек остался без средств к существованию, а у него семья...

– Я готов поучаствовать.

Кирилл открыл банковскую программу, Хелен скинула ему номер счета, на который нужно перечислить деньги. Но перечислить деньги он не успел.

– Не нужны нам твои кровавые деньги. – Феликс подкрался и рванул Кирилла за плечо. – Нам ничего не нужно от таких, как ты! Эсэсовец проклятый! Все из-за вас!

Кирилл развернулся к Феликсу.

– Если ты еще раз ко мне прикоснешься, я тебя ударю, – пообещал он.

– Ударит он! Давай, бей! Для этого общество вас содержит, учит! Вот зачем мы платим налоги – чтобы откормленная, натренированная фашистская сволочь безнаказанно била нас! Ведь ты работаешь на меня! На нас! Мы платим тебе зарплату!

Разговор привлек внимание. Как только слушатели поняли, что Кирилл – офицер СС, зал мгновенно опустел. Осталась только Хелен. Она недоуменно переводила взгляд с одного на другого. Феликс приплясывал на месте, кривлялся. Казалось, у него двигался каждый мускул. Кирилл взглянул в его неестественно расширенные зрачки и понял, что с Феликсом что-то не так. Но жалеть его не стал:

– Не ты платишь мне зарплату. Тех налогов, что ты заплатил, мне не хватит даже на кошачий корм. Вы не революционеры, а придурки, никому не нужные, бесполезные придурки! Вместо того чтобы работать и хоть какую-то пользу приносить, вы собираетесь здесь, о том, как хорошо будет без СС жить болтаете. Вы не проживете! Если не будет нас, ваши любимые пролетарии будут делать с вами все, что захотят...

Закончить Кирилл не успел. Феликс замахнулся и ударил его в лицо. Кирилл без труда отвел медленный и слабый удар и вполсилы ударил Феликса основанием ладони в нос. Обычно такого хватало, чтобы охладить пыл задиры. Из носа хлынула кровь. Но Феликс не обратил на удар внимания и кинулся на Кирилла.

Кирилл стал отступать, ожидая, пока драчуну надоест махать руками. Он по-прежнему не хотел бить Феликса. Но тот не унимался. Тогда Кирилл, дождавшись очередной серии нескоординированных махов руками, отступил в сторону, дал Феликсу пролететь мимо и, зацепив пальцами за подбородок, рванул вверх и на себя. Феликс рухнул на спину. Кирилл сел сверху, отработанным движением заломал руку.

– Саграп! Душителъ свободы! – хрипел Феликс, пытаясь вывернуться из захвата.

Хелен смотрела на них, брезгливо поджав губы.

– Что он принимает? – спросил Кирилл.

– Крэк. Сделай с ним что-нибудь, пока он сам себя не изувечил!

Кирилл кивнул, чуть сместился в сторону и провел удушающий прием. Феликс потрепыхался и затих. Кирилл проверил пульс, дыхание – все было в порядке.

– Он будет жить, – сказал он и поискал, чем бы вытереть руки.

Хелен протянула ему бумажную салфетку. Кирилл вытер руки и перенес бесчувственное тело в угол, на диван.

– Поехали? – предложила Хелен.

– А как же он?

– Сам разберется, большой уже мальчик, – махнула рукой Хелен, и они поехали домой.

Вызов Грубера застал Кирилла уже у дверей. Пришлось Кириллу извиниться перед Хелен и ехать в отдел.

– Фон Медем, прекрасная работа! – Грубер довольно потирал руки. – Ну, что вы стоите, давайте сюда салфетку! Я сам прослежу, чтобы анализ ДНК провели как можно скорее. Если Матецкий не тот, за кого себя выдает, мы это скоро узнаем! Объявляю вам благодарность!